

Проект Сергея Тармашева

ЧИСТИЛИЩЕ

Александр Золотко

ЯНЫЦАР

Чистилище

Александр Золотько

Чистилище. Янычар

«АСТ»

2014

Золотько А. К.

Чистилище. Янычар / А. К. Золотько — «АСТ»,
2014 — (Чистилище)

На рубеже тысячелетий люди верили в самые невероятные природные катаклизмы, способные угрожать всему живому на планете. Однако катастрофа, уничтожившая человеческую цивилизацию, оказалась рукотворной. Разработанный нацистом страшный вирус, вырвавшийся из военных лабораторий, убил большую часть человечества, а остальных превратил в кровожадных безумцев. Мир превратился в постапокалиптическую пустыню, в которой с трудом выживают укрывшиеся в подземных убежищах немногочисленные здоровые люди. Его звали Янычар. Виртуозный убийца и специалист по выживанию, он был телохранителем одного из «хозяев жизни» и, оболганный его женой, точно знал, что не доживет до конца следующей недели. Как ни удивительно, Янычара спасла невиданная эпидемия смертельного вируса. Планы свирепой мести остались в прошлом, теперь у него одна задача: уцелеть в опрокинувшемся мире, посреди обломков привычной цивилизации, где ужасная смерть таится за каждым углом, а мутанты-людоеды – далеко не самое страшное, что ожидает немногочисленных выживших...

© Золотько А. К., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Глава 01	6
Глава 02	19
Глава 03	32
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Карлович Золотько

Чистилище. Янычар

© С. Тармашев, 2014

© А. Золотько, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Издательство благодарит Сергея Тармашева за предоставленное разрешение использовать название серии, а также уникальные мир и сюжет, созданные им в романе «Чистилище».

Другие произведения, написанные российскими фантастами для межавторского цикла, являются их историями, Сергей Тармашев не является соавтором этих романов и не читает их. Создатель «Чистилища» дал литераторам полную свободу, разрешив войти в мир проекта, но сам он несет ответственность только за собственную книгу.

Глава 01

Дождь закончился несколько часов назад, но с веток деревьев все еще время от времени срывались крупные капли, наполняя лес странной размеренной и растянутой во времени барабанной дробью.

– Хорошая погода, – сказал невысокий худощавый мужчина, присаживаясь на поваленное дерево. – Грибы, наверное, уже пошли. Вот так бросить все и с лукошком... Вы любите – с лукошком, полковник?

Полковник достал из кармана камуфлированной куртки портсигар и зажигалку, повернулся спиной к ветру и закурил. Собственно, ветра здесь, в глубине векового дубового леса, почти не было, полковник, скорее, демонстрировал нежелание отвечать на глупые вопросы собеседника. То, что был собеседник профессором, академиком и кем-то там еще, полковника совершенно не волновало. Сейчас важно было совсем другое.

– Значит, грибной охотой вы не увлекаетесь, – констатировал профессор и усмехнулся невесело. – В общем, меня тоже сейчас волнует другое. Присядете?

Профессор похлопал ладонью по стволу поваленного дерева справа от себя.

– Нет, спасибо. – Полковник сделал затяжку, закашлялся и отшвырнул сигарету в сторону. – Я успею насидеться потом, когда все закончится.

– Если закончится, – поднял указательный палец профессор. – Если закончится. И чем закончится... Вы за новостями следите?

– Представьте себе, – нервно передернул плечами полковник. – И за общими, по телевизору, и через Интернет... И за теми, что совершенно секретные...

– Даже за секретными?! – вроде как обрадовался профессор. – И даже за теми, наверное, что вам не предназначаются...

– И за этими тоже. – Полковник пригладил жесткий ежик прически. – За этими – в первую очередь.

– Меня всегда поражало, как быстро люди умеют организоваться, если возникает насущная необходимость. Вот как за пару часов вам удалось уговорить вашего начальника узла связи делиться с вами секретной информацией? Чисто из любопытства спрашиваю, без подвоха...

– Без подвоха... – буркнул полковник. – Без подвоха ничего на свете не происходит. У капитана трое детей, младшему – полтора года. Достаточная причина, чтобы задуматься?

– Нет, – покачал головой профессор. – Недостаточная. А вот то, что в окончательном списке ни его, ни его семьи не будет, – очень веская причина. Весомей не бывает. А его ведь нет в окончательном списке? Список пришел, а капитана в нем нет... Так ведь? А новости поступают такие неприятные. Страшные новости. Даже у меня внутри все холодеет от мысли, что эта зараза доберется сюда прежде, чем мы успеем что-то предпринять.

Полковник снова попытался прикурить сигарету и снова отбросил ее в сторону. У него явственно дрожали руки.

– Так вы получили список? – спросил профессор. – Тот самый, окончательный? И если получили – вы в нем есть? Вы и ваша семья?

– Нет меня в списке. – Полковник ударил кулаком в ствол дерева. – Ни меня, ни начальника узла связи... Там вообще нет почти никого из личного состава запасного командного пункта штаба округа. Только технари из obsługi. Даже охрану приказано уменьшить до минимума. А всем остальным под моим командованием приказано выдвинуться в район сосредоточения... Для получения дальнейших указаний. Шестьсот восемьдесят три человека, мать его...

Полковник снова ударил кулаком в дерево, поморщился и посмотрел на разбитые костяшки пальцев.

– Руку поберегите, – посоветовал профессор. – Она вам еще понадобится. Вам еще мятеж поднимать...

– Слушайте, вы так просто обо всем этом рассуждаете! – взорвался полковник, сгреб профессора за куртку и рывком поднял на ноги. – Мятеж, говорите? Да, мятеж! И нарушение присяги! И еще кучу военных преступлений, между прочим. Или вы полагаете, генерал просто так согласится с моими неожиданными предложениями? Вот так просто?

Полковник старательно продолжал называть профессора на «вы», старая привычка, позволявшая не срываться на провинившихся подчиненных. Трудно назвать человека сволочью, если говоришь ему «вы». «Вы – козел!» Неделанный провокатор.

– Нет, конечно. – Профессор даже не пытался высвободиться из рук полковника, раскачивался в такт рывкам, неотрывно глядя в его глаза. С иронией глядя в глаза, будто видел в них что-то забавное. – Вам придется генерала либо связать и сунуть поглубже в бункер, либо пристрелить и выбросить подальше. Вы никогда не мечтали о том, чтобы пристрелить генерала? Пусть не конкретного генерал-майора Федорова, командующего Узлом-3, но хоть какого-то из их многозвездной братии? Мечтали ведь, признайтесь. Вы же из дворянских, из тех, что не приучены бегать по паркету, танцевать на задних лапках, выпрашивая вкусняшку, и вылизывать руки вышестоящих уродов. Вы на эту должность попали только потому, что нужен был кто-то толковый, умеющий реально работать, способный пахать изо всех сил, без дураков, и выполнять заодно обязанности генерал-майора Федорова по переоборудованию бывшего бункера противоядерной защиты в противобиологическое долговременное убежище. Вы пять лет горбатились здесь, без отпусков и выходных, а генерал, насколько я помню, не отказывал себе в невинных радостях общения с семьей на курортах, в Москве проводил больше времени, чем здесь... Вам не хотелось придушить эту паркетную сволочь, когда он получил «Звезду» за образцовое выполнение особо важного задания? Вот за этот самый бункер получил, за его готовность?

Полковник разжал кулаки, отпуская профессора.

Тут Евгений Петрович прав. Абсолютно прав. Было желание сломать шею засранцу, имевшему наглость еще и похвастаться перед полковником наградой. Обмывать – нет, не позвал, с чего бы это? А вот вызвать к себе в кабинет, показать «Звезду», с многозначительным видом сообщить, что САМ был очень доволен, что светит генералу еще и перевод на новое место службы... А бункер – старшему сыну в наследство, старший сын генерал-майора как-раз недавно получил полковничьи погоны и вполне мог занять теплое и непыльное место коменданта Узла-3.

Вот тогда еле сдержался полковник, чтобы не врезать в загорелое на южном солнце лицо генерала, не вцепиться в горло и не задушить мерзавца к чертовой матери! Даже не за себя было обидно полковнику. Нет, за себя тоже, за свою семью, которая пять лет, пока шли работы, жила в полуразрушенном военном городке, заброшенном еще в девяностые годы прошлого века. Городок кое-как приспособили – подчистили, подкрасили, подрихтовали. Генерал клятвенно обещал, что вот через месяц... максимум через два, когда немного освободятся строители – и канализацию подлатают в городке, и водопровод полностью восстановят.

И люди пахали. Вкалывали изо всех сил, детей возили за тридцать километров в сельскую школу, ожидали этих самых месяца, максимум двух... Видели, что генеральская дача растет, рабочие, снятые с основного объекта, заканчивают и ее, и дачи двух генеральских сыновей... Жаловаться? Сообщить наверх? Был соблазн, когда двое контрактников при монтажных работах на даче погибли, обратиться в штаб, но сдержался полковник, жена отговорила. Что докажешь? Ты ведь отпустил ребят, не было никакого письменного приказа от генерала. Не-бы-ло. Значит, сам виноват. На себя стучать будешь?

И что тебе светит в результате, спросила жена. В лучшем случае – заполярный гарнизон. Еще один объект укрытия, но где-нибудь возле Ледовитого океана. И полковник сдержался,

промолчал. Был ведь шанс, что имеющего опыт работ на сложном и секретном объекте полковника Иванченко отправят не в Нарьян-Мар, а поближе, хоть в Мурманскую область.

Он бы и сейчас, наверное, промолчал, даже в голову ему бы не пришло задумывать мятеж, как это назвал профессор, если бы... Если бы в том проклятом списке оказался и он, и его семья. Если бы не обрекли его штабные сволочи на смерть. Его, жену и двоих детей. Хотя бы его семью включили в этот список...

Выполнял бы полковник Иванченко приказы, отправил бы личный состав из казарм в неизвестность и, возможно, на смерть, потому что... Потом что человек – животное подлое, сказал себе полковник, когда обдумал предложение, которое пару часов назад изложил ему профессор Протасов. Предложение простое и понятное.

Зараза вылилась в мир вчера. Излил ангел чашу свою... Новости об этом разом заполнили все средства массовой информации, Интернет был заполнен паническими постами, видеороликами, в которых улицы городов Ближнего Востока и Америки были завалены трупами, и толпы беснующихся громили все вокруг, убивали тех, кого зараза, кажется, минула. Веб-камеры продолжали бесстрастно сбрасывать в Сеть картинки, на которых люди умирали и убивали, рвали друг другу глотки и падали, корчась в мучительной агонии.

Это не остановится, сказал профессор при первой встрече. Они почти не были знакомы, так, на общих совещаниях пару раз видели друг друга, и полковник очень удивился, когда ему сообщили, что к воротам внешнего ограждения подошел профессор из лаборатории и просит выйти именно полковника Иванченко.

– Мы с вами старые приятели, имейте в виду, – сказал профессор, когда полковник Иванченко вышел к нему и поздоровался. – Если вдруг кто-то поинтересуется – мы познакомились... в Москве мы познакомились, у нас общий знакомый есть, Виктор Тимофеевич Глазков. Запомните? Глазков Виктор Тимофеевич, из министерства. Крупный такой, с одышкой. Вот он и познакомил. А я вот только сейчас сообразил, что это именно вы здесь, и от скуки решил прийти пообщаться. Понятно?

– Не очень, – честно ответил полковник, прикидывая, не может ли это быть очередная шутка особистов, решивших проверить его на предмет нарушения секретности и поддержания бдительности.

Если это было так, то стоило послать посетителя подальше и сообщить майору Петрову о попытке установить контакт со стороны. Не то чтобы совсем со стороны, профессор имел высокий уровень допуска, все эти пять лет тоже работал в зоне Узла-3, командуя переоборудованием лаборатории. Гнать нужно было профессора на всякий случай и на тот же случай информировать майора Петрова.

Но профессор оказался настойчивым и убедительным. По-товарищески взяв полковника под руку, он увел его в сторону, за деревья, подальше от камер и микрофонов охраны. И там изложил свои резоны по поводу дальнейшего развития событий.

– Это не остановится, – сказал тогда профессор. – Вы же видите по телевизору, с какой скоростью все развивается. Понимаете, что завтра-послезавтра эта зараза будет здесь? Вот прямо здесь, в этих лесах. Тут будут валяться трупы... Или будут друг другу рвать глотки озверевшие люди. Вы ведь видели в Сети...

– Я видел в Сети, – холодно отрезал тогда полковник. – Но при чем здесь мы с вами?

– Скажите, вашу семью пустят в бункер? – спросил профессор. – Вашу жену и сына с дочерью – пустят в тот самый бункер, который вы пять лет готовили для такого вот случая? Биологическая атака – у кого-то есть сомнения? У вас есть сомнения?

Над головой профессора резко застрекотала сорока, тот вздрогнул, замолчал и посмотрел на птицу. Потом посмотрел в глаза полковнику.

Полковник отвел взгляд, он старался не думать об этом, надеялся – непонятно почему и на что – на чудо, которое позволит спрятать семью в бункер. В конце концов – ведь ему

должны быть благодарны. Если бы не его работа... его и десятков офицеров, прапорщиков и солдат... этого бункера не было бы. Просто не было бы, ему, полковнику Иванченко пришлось разгрести столько грязи, скандалить, ругаться, просить, чтобы все было сделано к сроку, чтобы запасы были завезены вовремя, чтобы...

А теперь, когда все это – весь десятиуровневый бункер, способный противостоять любой мыслимой заразе, оборудование, налаженное и готовое к запуску, склады, заполненные под завязку, – когда все это готово и может функционировать, людей, которые имеют право на укрытие в нем, просто вышвыривают прочь. Для того что спрятать в Узле-3 людишек, которые... которые заслужили жизнь только тем, что приближены к верхушке, имеют приятельские, родственные... и да, конечно, коррупционные связи.

– Вы же понимаете, что это все строили не для вас и ваших близких, – тихо произнес профессор, будто услышав мысли собеседника. – У вас же там наверняка есть несколько номеров повышенной комфортности. Для кого? И все эти деньги и ресурсы вкладывали в бункер для того, чтобы спасти рядовой состав? И младший офицерский вкуче со средним? Их семьи? Вас всех вышвырнут отсюда под благовидным предлогом, а в построенные и оборудованные вами убежища поселят чиновников, генералитет, родственников и их близкое окружение. Вы же не можете этого не понимать. Или в самом деле не понимаете?

Полковник все это понимал. Если раньше он только догадывался об этом, даже признавал право некой элиты на места в бункере при маловероятной и фантастической биологической атаке на страну, то после разговора с профессором мысли о несправедливости происходящего стали конкретнее и четче.

Это нечестно. Несправедливо. Это...

– Когда-то в юности, начитавшись красивых фантастических книг, я был искренне уверен, что спасать в случае глобальной катастрофы нужно лучших. Самых умных, талантливых, просто красивых, способных передать потомству лучшие гены... – Профессор покачал головой, словно удивляясь себе, молодому и романтичному. – А сейчас... Сейчас я даже боюсь представить, сколько человек я готов убить, чтобы спасти своих родных. И я не знаю, что бы я отдал ради того, чтобы спасти семью моего старшего сына, который сейчас живет в Штатах... Жил в Штатах, я полагаю. Я не могу с ним ни созвониться, ни связаться через Сеть. Я не могу спасти всех. Я не могу спасти лучших. Я даже всех своих близких и друзей не смогу спасти. Я даже пытаюсь не стану собрать их всех... Только тех, до кого сейчас смогу дотянуться. Кто...

Профессор махнул рукой и снова замолчал.

Полковник набрал воздуха в грудь. Выдохнул, не сумев себя заставить сказать ни слова. Снова сделал вдох.

– Вы что-то хотите мне предложить? – с отчаянием в голосе спросил наконец полковник. – У вас есть другой вариант?

– Есть, – кивнул профессор, не поднимая головы. – Конечно, есть. Займите бункер сами. Я полагаю, что у вас еще есть почти сутки на принятие решения и, собственно, на мятёж.

Словно обухом по голове. Полковник замер потрясенно, пытаясь убедить себя в том, что все это происходит не на самом деле. Все это ему мерещится. Приснилось. И одновременно стало понятно, что все, сказанное профессором, – правда. Что все это прекрасно понимал и сам полковник, только не решался до сих пор признаться самому себе.

И одновременно с этим полковник понимал, что если немедленно не прекратит этой беседы, то подпишет себе приговор. А если прекратишь, шепнул тихий голосок в глубине души, то подпишешь приговор своей семье.

Расклад ведь простой – в случае ошибки профессора, если вдруг эпидемия, вспыхнувшая на Ближнем Востоке, погаснет... или будет остановлена, то полковника Иванченко будут судить. Пожизненное получит, никак не меньше. Семья?.. Семье будет не очень приятно жить с клеймом предателей, но они будут жить. А если профессор прав, то семья просто выживет.

Будет жить, пока у бункера хватит автономности. Полгода. А за эти полгода все еще может измениться, эпидемия может стихнуть сама, или будет найдена сыворотка... Ведь не зря по всей стране начали несколько лет назад создавать Узлы Безопасности?

Узел, который строил полковник, – номер три, это значит, что есть еще минимум два. Наверняка их больше. В разной степени завершения, не все готовы противостоять биологической атаке, но что-то же есть... Но ни в одном из них наверняка нет места для семьи полковника. Есть куда более важные люди, более ценные. И это нужно было понять давно. И плюнуть на все: на карьеру, выслугу, перспективы и уйти. Увезти семью куда-нибудь далеко. За полярный круг, к черту на кулички, куда никто не будет прилетать-приходить-приезжать и не сможет притащить заразу. Если бы он знал... Если бы знал, если бы отдавал себе отчет в том, что все это строится не для него и его родных, а...

Почему сын генерала не может стать маршалом? Потому что у маршала тоже есть сын. Старая, но точная шутка. Почему семья полковника Иванченко не может спастись? Потому что... Понятно тебе, полковник? Понятно? Ты построил Узел-3? Спасибо. Ты свободен. Собрешь своих людей и поведешь их отсюда подальше, так, чтобы не смогли они, сообразив, осознав свою судьбу, попытаться все-таки укрыться в комплексе. Расшвырять едущих сюда чинуш, занять вагоны в этом поезде, едущем к жизни.

Узел-3. Система долговременной биологической безопасности. Полковник знал, что это такое, и понимал, что только его бункер может дать шанс выжить в случае серьезной угрозы.

Каждый узел состоял из трех компонентов: собственно бункера на три с половиной тысячи человек, лаборатории, размещенной в двух с половиной километрах от него, тоже автономной и оборудованной как для исследовательских работ, так и для производства биоматериалов в больших объемах, и плюс опорная база длительного хранения. Охрану и внешнюю оборону Узла осуществляла отдельная бригада специального назначения. Планировалось построить бункера для солдат бригады или хотя бы для дежурного батальона на базе, но пока для них были готовы только противорадиационные укрытия и бомбоубежища.

– Я не тороплю вас с решением, – сказал тогда, несколько часов назад профессор, заканчивая разговор и протянув руку на прощание. – Вы еще можете все обдумать. Выбрать.

– Вам-то что? – спросил полковник зло. – Вам-то с этого какая выгода?

– Выгода? – задумался на мгновение профессор. – Есть у меня выгода. Причем – прямая. У меня в лаборатории пятьдесят человек. Очень неплохие ученые, Настолько неплохие, что у них есть шанс потягаться с заразой, если она сюда доберется. Мужчины, женщины... Пятьдесят человек. И у меня в лаборатории есть возможность разместить еще две, две с половиной сотни людей на... на полгода, скажем. И мне уже прислали распоряжение... Принять триста человек по отдельному списку, а всем, кто сейчас находится в лаборатории, подготовиться к эвакуации и передислокации в другое место. Список мне уже прислали, время прибытия новых людей – двадцать четыре часа.

– И вас нет в этом списке? – криво усмехнулся полковник.

– Почему? Я как раз есть. Нет моей семьи. И кроме этого, я намерен еще побороться с эпидемией, а если моих людей увезут, то шансов не будет никаких.

– И при чем здесь я? – поинтересовался полковник, не выпуская ладони профессора из своей руки.

– Все очень просто. Попасть к лаборатории можно только мимо вашего бункера. У нас общая автоматическая система обороны. Минные поля и все прочее... И не смотрите на меня волком – у меня доступ высшего уровня, как и у вас. Если вы перекрываете въезд, то и ко мне никто не проедет...

– И вам даже отвечать не придется, если что, – перебил полковник. – Вся вина на мне?

– При чем здесь это? – пожал плечами профессор и высвободил наконец руку. – Вот это как раз чушь и ерунда.

– А что не чушь?

– А не чушь то, что члены семей моих сотрудников уже приглашены и через несколько часов соберутся в небольшом поселке неподалеку от вашего военного городка. Я хочу, чтобы вы забрали их, когда будете вывозить сюда своих. Да?

– И это все?

– И чтобы вы перевели в лабораторию несколько своих техников. Можно даже с семьями. Электрика, механиков, сантехников.

– А ваша охрана? Вы сможете договориться с безопасниками? – спросил полковник, прищурившись.

– Моя охрана – моя забота. – Профессор дернул щекой. – Так вы пришлете мне техников?

– Вы все-таки планируете жить в бункере долго... – протянул полковник, вглядываясь в лицо профессора.

– Полгода – минимум, – ответил профессор. – Но вы не торопитесь с ответом. Время пока еще есть. И опять же... А вдруг вы и ваша семья окажется в том списке? Тогда не нужно будет и мятеж поднимать... Если вы захотите продолжить наш разговор – позвоните мне. Вдруг вам все-таки повезет?

Но семьи в списке не оказалось. Капитан Ермаков, принявший приказ, передавать его генерал-майору не стал – полковник Иванченко уже успел переговорить с ним, объяснил перспективы. Капитан общей идеей проникся не сразу, пришлось объяснить пару раз, уговорить, чтобы не бежал к особисту Петрову с докладом сразу, дождался того самого приказа, о котором предупреждал профессор. Сам чтобы проверил его содержание, а потом уж...

– Я с вами, Сергей Иванович, – сказал хриплым шепотом капитан и протянул полковнику тот самый список.

И сказал он это так, что сразу стало понятно – он и без полковника начнет действовать. Но с полковником шансов на удачное завершение больше.

– Я поговорил с людьми на Узле, – прошептал капитан Ермаков, пока полковник пробегал глазами расшифрованный приказ. – Все... Все ждут ваших указаний...

– Какие, к хренам собачьим, указания? – пробормотал упавшим голосом полковник. – Не дергайтесь тут, и ни с кем больше не говори. Ясно?

– Ясно.

– Я тут выйду поболтаю кое с кем, а потом... Я ненадолго.

Он позвонил профессору, тот предложил встретиться на старом месте, а когда полковник пришел, спокойно... почти спокойно... сказал:

– Хорошая погода. Грибы, наверное, уже пошли. Вот так бросить все и с лукошком... Вы любите – с лукошком, половник?

А потом, изложив свои последние резоны, профессор Протасов молча ждал решения полковника Иванченко. Как будто тот мог сказать что-нибудь другое, кроме...

– Хорошо, – хрипло произнес полковник, выдохнул, вытолкнул из легких это проклятое колючее и горькое слово. – Хорошо...

И сразу стало легче, ушла неопределенность. Задача поставлена, цель определена.

– Вот и славно. – Профессор протянул руку. – Значит, вы приступаете прямо сейчас? Вам же еще семьи вывозить?

– Я знаю, – кивнул полковник.

– Надеюсь, вы не станете все вопросы решать по мобильникам? – уточнил профессор. – Лучше потратить чуть больше времени на сборы, чем привлечь...

– Я все это прекрасно понимаю, – отрезал полковник. – Техников я вам пришлю. С семьями, как договаривались.

– Конечно. С семьями. Конечно. – Профессор выдержал взгляд полковника. – Я же понимаю, что в противном случае...

– Я приму меры, господин Протасов, если что. В том самом противном случае. Если у меня все получится...

– Когда, когда у вас все получится, – торопливо поправил профессор.

– Если... – упрямо повторил полковник. – Если у меня все получится и я смогу взять под контроль объект, то свяжусь с вами через узел связи в бункере. На связи не будет постороннего человека? У вас ведь охраны там полтора десятка...

– Я же сказал: моя охрана – мое дело, – жестко ответил профессор. – Смело звоните на центральный пульт. Сколько вам нужно времени на... на работу с личным составом?

– Как только, так сразу, – бросил через плечо полковник и быстрым шагом пошел к объекту.

Не хватало еще услышать какое-нибудь «Удачи!» или еще что-то подобное. Все, теперь только по прямой, как бронебойный снаряд, сквозь преграды и препятствия.

Работа с личным составом, проговорил мысленно полковник. Как он слова подбирает, этот профессор. Его охрана – его проблема. Уговорил? Или?.. У них в лаборатории наверняка много всякой пакости, которая не то что полтора десятка охранников на тот свет отправит, а...

Чертовы ученые! Полковник рубанул подобранной палкой по кусту орешника. Полетели ключья листьев, мелкие ветки. Ведь зараза, которая сейчас уничтожает человечество, тоже ведь не сама собой появилась. Наверняка кто-то ее изготовил, сварил, вырастил, склеил из генов и молекул... А теперь этот сволочный профессор ведет себя так, будто ему все вокруг должны...

Вот взять бойцов, выкинуть профессора и его людей к чертовой матери из лаборатории, а на их место поселить кого-то из своих... Полковник остановился, потряс головой, отгоняя глупые мысли. Чувшь, нельзя профессора трогать, а вдруг... вдруг у него получится изготовить вакцину.

Полковник сильным ударом сломал палку о ствол дуба, отбросил обломок в сторону. Нужно действовать. Действовать быстро и решительно. До прибытия новых обитателей бункера, если судить по полученному приказу, еще десять часов. Успеем. Должны успеть.

Быстро, решительно и осторожно. Если информация о... да, о мятеже, мать вашу. Именно о мятеже! Если информация о нем попадет наверх... или к командиру бригады, обеспечивающей прикрытие, то все закончится быстро. Очень быстро. Он не сможет объяснить офицерам и солдатам через броню танков и БМП суть проблемы. И не сможет вместить их всех в бункер Узла-3, даже если захочет. Автономность – шесть месяцев, по продуктам можно растянуть и на более длительный срок, но вода и воздух... Вода и воздух, как на космическом корабле, проходит по замкнутому циклу восстановления, хоть какая-то польза от несостоявшейся марсианской программы. А вот энергия... Он не сможет уменьшить потребление горючего дизелями.

Ладно, об этом потом. Сейчас нужно решить, к кому идти первому. К генералу? Это как раз несложно, это пара пустяков, но это не предотвратит утечки информации. Значит...

Майор Петров, начальник службы безопасности объекта, сидел перед монитором ноутбука и даже не поднял голову, когда полковник без стука вошел к нему в кабинет.

– Привет, – сказал полковник.

– Присаживайтесь, Сергей Иванович, – сказал майор Петров. – Как настроение?

Окно в кабинете было приоткрыто, снаружи доносились голоса солдат – подразделения шли на ужин. На Узле-3 солдаты строем не ходили, старая, еще с советских времен традиция – чтобы потенциальный противник не засек тепловой след от такой массы людей. Хотя какой сейчас потенциальный противник? Вон, американцы сейчас сами вымирают от непонятной болезни.

– Спасибо, – сказал полковник. – Хреновое настроение. А у вас?

– Согласно боевому расписанию. – Майор продолжал смотреть на монитор. – Бдительно и боеготовно...

– Кино смотришь, Николай?

– Почти. Никогда не любил фильмы про зомби и конец света. – Странная улыбка появилась на лице майора, брезгливая, что ли. – А тут... Вы смотрели трансляции из Америки?..

– Все еще показывают?

– Пока есть электричество – отчего веб-камерам не работать? Работают, демонстрируют. На Манхэттене, правда, половина камер уже вырубилась. Пожар, что ли... – Майор поднял наконец взгляд на собеседника, и полковник увидел в его глазах безысходность и отчаяние. – Но вы ко мне, как я понимаю, не для совместного просмотра? Что-то случилось?

Они никогда не общались особо близко. Каким бы приятным в общении ни был майор Петров, но для остальных офицеров он всегда оставался osobистом, «молчи-молчи», человеком... да каким человеком – механизмом, предназначенным для того, чтобы выявлять, предотвращать и доносить. И вот теперь у полковника есть всего несколько минут, чтобы... Чтобы что?..

– Ты уже получил приказ, майор? – решил не искать обходных путей полковник Иванченко. – О передислокации?

Майор улыбнулся одной стороной лица, получилась улыбка кривой и невеселой.

– Получил... – протянул полковник удовлетворенно. – И что, тебе велено занять место в бункере?

– В ваше распоряжение, полковник. В ваше распоряжение... И вместе с вами – в район сосредоточения. Потом выполнять задачи по блокаде зараженных районов. – Майор прищурился. – А что?

– А для кого мы будем освобождать места – ты в курсе?

– А меня это не касается, – развел руками Петров. – Не моего ума это дело. Приказ есть приказ. И выполнить его нужно беспрекословно, точно и в срок...

– Значит, вот так просто? И тебе не трудно будет...

– Наоборот – легко. Выполнять приказы легко и приятно. Выполнил десяток-другой приказов – и отдыхай. Нет? А на гражданке – думай, принимай решения, ломай голову... Так по какому вопросу вы ко мне, Сергей Иванович?

Полковник пристально смотрел в лицо Петрова, но ничего на нем не было, кроме усталости. И тоски в глазах. Майор шутит, а похоже, ему выть хочется. Не может же он не понимать, что ждет и его, и его семью...

– Я не хочу уводить людей с объекта, – сказал полковник.

– О как! – восхитился Петров. – И уже кому-то про это сказали?

– Только тебе пока.

– Польщен. Еще что?

– Хочу доставить сюда семьи личного состава и укрыть в бункере. – Полковник еле удержался от соблазна понизить голос до шепота. – Я хочу взять на себя ответственность...

– Вопрос выживания, понимаю... Но чем я вам могу помочь? Бункер открыть я не сумею, караул расстреливать не стану, – снова попытался улыбнуться Петров, и снова только гримаса боли появилась на его лице. – Хотите моего благословения?

– Хочу, чтобы ты не мешал, – сказал полковник. – Чтобы не стуканул наверх...

– Всего-то?.. – приподнял брови Петров, изображая удивление. – Зачем просить? Я ведь в вашем распоряжении. У меня даже приказ об этом есть. Прикажете – буду молчать.

– Перестань ерничать, майор! – Полковник хлопнул ладонью по столу. – Ты сам выжить хочешь? Семью свою спасти хочешь?

– Хочу, – кивнул майор. – Только не знаю – смогу ли. Жена у меня в больнице, там и дочка с ней.

– Ну, заберешь, съездишь и заберешь...

– Туда почти шестьсот километров, обратно. Либо в объезд Москвы, либо через город. Думаете, успею? – Майор скрипнул зубами. – Даже если вот прямо сейчас все брошу – успею?

– Мне сказали – максимум десять часов, – тихо произнес полковник. – Жителей в бункер привезут через десять часов.

– Вот и ответ на ваш вопрос, Сергей Иванович. Четкий ответ, однозначный. – Майор захлопнул крышку ноутбука и встал из-за стола. – В Москве пока паники нет. Поток на выезд не увеличился, но внутренние войска и спецчасти получили приказ готовиться к выдвигению. Организация блок-постов, оцепление. Химзащита и все такое. Как полагаете, наши комплекты ОЗК защитят? Противогазы поймают заразу? Не знаете? А я вам скажу – хрен там поймают. В Израиле ни хрена не защитили, в Америке... Думаете, у них там оборудование хуже, чем у нас? Хрена вам по всей морде, уважаемый Сергей Иванович! Они не смогли остановить инфекцию, и у нас ничего не получится. Только прятаться. Только прятаться, товарищ полковник! Я так полагаю, что в Раменках уже переселение идет в полный рост. И в кремлевский бункер, и в остальные убежища. А народу рассказывают, что все под контролем! Все, мать вашу, под контролем! Нужно только закрыться в домах и ждать подхода спасателей. И всех спасут! Лично Президент будет ходить от квартиры к квартире и делать прививки волшебного антивируса...

Вот сейчас он сорвется в крик, подумал полковник. Сорвется особист и впадет в истерику. И что делать дальше?

Майор захлопнул фрамугу окна, повернулся к полковнику Иванченко. Как ни странно, но Петров выглядел спокойным. Только кожа на желваках подрагивала.

– Вы внимательно смотрели ролики и трансляции, полковник? У вас было время анализировать? – Петров подошел к сейфу, стоявшему в углу кабинета, с лязгом провернул ключ в замке. Дверь со скрипом открылась – сейф был старым, помнил, наверное, еще папки с делами НКВД.

Петров повернулся, и полковник вздрогнул – в правой руке тот держал пистолет.

– Бросьте, полковник, не дергайтесь. – Майор положил пистолет на стол и бросил папковую папку. – В папке – список моих стукачей на объекте. Большинство – простые испуганные ребята, попались на ерунде, стучат лично мне и доносят обычно всякую ерунду. А вот отдельным списком люди посерьезнее. Первые два – кадровые работники, имеют свои каналы связи. Остальные в принципе замкнуты на меня, но тут всякое возможно. Сами придумаете, что с ними делать?

Полковник взял папку, открыл, посмотрел на список. Черт, один из кадровых – старлей с узла связи.

– Мухаметшин ничего не докладывал тебе? – спросил полковник.

– Нет пока. А что? Узел связи уже в курсе? Ну да, откуда же у вас приказ... Мухаметшин мужик толковый, тоже сообразил, что выжить можно только здесь. А за донос ему место в бункере вряд ли выделят. И у него четверо детей. В общем, полковник, это все, что я могу для вас сделать. Оружие, извините, отдать не смогу, самому понадобится в ближайшее время. Если вам повезет, вы сможете все получить из арсенала. – Майор Петров выщелкнул из пистолета магазин, посмотрел на патроны и снова вставил магазин в рукоять. – Я могу покинуть расположение части?

Полковник замешкался с ответом. Ему очень не хотелось выпускать Петрова, тот мог и...

Петров передернул затвор, упер пистолет дулом в столешницу:

– Я могу покинуть расположение части, товарищ полковник? Даю слово, что стучать не буду. – Палец лег на спусковой крючок.

– Иди, майор. – Полковник поспешно встал и протянул руку Петрову. – Удачи!

– Это вам удачи, а мне – счастливого пути. И скатертью дорога! – Майор поставил пистолет на предохранитель, положил его в карман куртки и пожал протянутую руку. – А за дверью у вас кто? Вы же не могли прийти ко мне просто так, без подстраховки.

– Капитан Егоров! – позвал полковник. – Зайди сюда.

Капитан вошел.

Кобура у него на ремне была расстегнута.

– И что, Егоров, выстрелил бы в соседа по лестничной клетке? – с укоризной спросил Петров. – Вот так – бац и насмерть?

Егоров отвел взгляд.

– Ладно, удачи! – Петров махнул рукой и вышел.

– Не сдаст? – спросил Егоров тревожно.

– Не сдаст, – уверенно ответил полковник. – Твой Мухаметшин где? Он в курсе?

– Да, а что? Он на узле связи. Что-то случилось?

– Ничего. Ничего пока не случилось. Ты вот что, Егоров, ты пока аккуратно, по списку вот этому, собери бойцов, скажем, в крайнем капонире. Приставь кого-то из твоих... У тебя кто еще с оружием? Сколько человек?

– Кроме меня – четверо.

– Вот их и приставь. И не давай болтать. Мухаметшина... Мухаметшина не трогай пока. Ничего не случилось. Ясно?

– Так точно, – замешкавшись всего на секунду, ответил капитан. – А вы сейчас куда?

– Не закудыкивай! Дай свой пистолет.

– Но... – замялся капитан.

– Решай, Егоров, сейчас решай, – недобро усмехнулся полковник. – Ты себе у подчиненного «макарова» возьмешь, а мне с генералом разговаривать.

Егоров торопливо отвел взгляд, потянул из кобуры пистолет, забыв отцепить ремешок, спохватился, попытался дрожащей рукой отстегнуть карабин от рукояти «макарова», но тот не поддавался.

– Я сейчас, – пробормотал капитан, – я быстро.

– Дай сюда. – Полковник отобрал пистолет, отстегнул карабин ремешка. – Что ж ты его на боевой взвод не поставил, дурилка? А если бы Петров не согласился с нами? Как бы ты стрелял в своего соседа по лестничной площадке?

Егоров покраснел, заправил ремешок в кобуру, застегнул клапан.

Правильно, мысленно одобрил полковник, а если что-то не срастется, всегда сможет сказать, что его обезоружили. И отдали прямой приказ. Молодец, капитан, так держать!

– Генерал у себя, – сказал капитан вдогонку, когда полковник уже вышел в коридор. – Ему только что ужин понесли.

Генерал Федоров предпочитал принимать пищу в своем кабинете в одиночестве. Официант приносил еду из столовой и убирался к чертовой матери. Не хватало еще, чтобы он пиялился в тарелку командира. Генерал вообще был человеком привычки. Форма должна быть отутюжена, стрелки на брюках – идеальны, награды... В принципе генерал Федоров с удовольствием носил орденские планки, благо было их много, и смотрелся наградной блок очень неплохо – внушительно и без лишней помпезности. Но недавно полученная «звездочка» заставила эту привычку пересмотреть. Тут жена, молодец, подсказала.

Зачем тебе все эти твои штуки таскать, сказала она сразу после награждения. Понятно же, что «героя» просто так не дают, понятно же? Ну так только ее и носи. Тебе Главный ее вручил, другие ордена и медали не он тебе вешал? Ну так и носи только «звездочку». И САМОМУ будет приятно, что ты как бы поменял все свои старые награды на эту, из его рук. Ты понял?

Генерал Федоров понял и согласился. Соглашаться с женой тоже было его привычкой, одной из тех, что обеспечивали ровное карьерное продвижение. Полковника Иванченко, например, генерал не отправил с Узла-3 после окончания работ только потому, что жена предложила это сделать после первого настоящего включения систем бункера. А если что-то не так?

Кто ответит? Иванченко? Так он уже в районе Магадана строительством руководит. А так, в случае чего всегда можно будет объяснить, что только из-за его недосмотра... и так далее.

Генерал согласился потерпеть Иванченко еще немного. Хотя и не любил полковника. Не было в поведении Иванченко настоящего уважения. И во взгляде не было такого внимания... искорки не было. Все о работе, о работе и о работе. И выходило у него так, что будто бы генерал меньше заботится о выполнении приказа, только он, полковник Иванченко беспокоится о строительстве, монтаже, завозе на склады нужного имущества.

Ладно, потерплю, сказал генерал жене. И терпел. Хотя...

Еще была у полковника скверная привычка являться не вовремя и без доклада, как будто какая-то авария или прорыв подземных вод давали ему право вести себя с генералом как с равным... Вот и сейчас, только генерал-майор Федоров дошел до половины лангета, как открылась дверь кабинета и вошел полковник.

– Добрый вечер, – сказал генерал, демонстрируя свое неудовольствие изрядной порцией сарказма в голосе. – Ты уже поужинал?

– Нет, спасибо, – невпопад ответил полковник, будто хозяин кабинета предлагал ему разделить трапезу. – Я принес приказ...

Иванченко положил папку с приказом на стол возле подноса с посудой.

– А... – протянул генерал. – Тот самый... Мне уже звонили по прямой линии, интересовались, отчего это я еще не доложил... Я как раз после ужина собирался вызвать начальника узла связи. Как там его?

– Капитан Егоров.

– Вот-вот, капитан Егоров. Не быть ему майором. – Генерал помахал вилкой. – Так ему и скажи.

– Хорошо, – кивнул Иванченко. – Так и скажу.

– Когда собираешься выводить личный состав? – спросил генерал, с раздражением глядя на остывающий лангет в своей тарелке. Не мог полковник прийти на десять минут позже? С другой стороны – все равно нужно отдать распоряжения. – Ты в курсе, что через четыре часа здесь никого не должно быть, кроме техников-эксплуатационщиков?

– Я в курсе. Могут быть проблемы с транспортом, нужно связаться с базой, чтобы прислали машины и дополнительно броню. Нам же зараженные районы блокировать, – со странной интонацией в голосе произнес полковник. – Всех сразу нужно вывозить, семьсот человек.

– А, да, о транспорте, – спохватился Федоров. – Чуть не забыл. Отправь три машины. Грузовики, ясное дело. Ко мне домой и к моим сыновьям. И в каждую машину по четыре бойца, там кое-что загрузить придется. Сам понимаешь, все это может затянуться...

Генерал вдруг осекся, сообразив, что не стоит говорить сейчас с полковником об этом, о том, что надолго. Он ведь тоже, наверное, за новостями следит и вполне может понимать, что...

– Отправишь – доложи, – сказал Федоров. – Я потом солдатиков, когда они тут разгружать закончат, тебе вдогонку отправлю на грузовике. Свободен, полковник!

– Есть, – тихо сказал Иванченко. – Только вы позвоните по прямой начальнику базы, скажите, что я буду заниматься передислокацией.

– Да он в курсе, я ему уже говорил. Пока твой Егоров собирался мне приказ принести, я все уже решил. Да. Все решил. – Генерал стал аккуратно отрезать кусочек лангета. Вроде бы мясо еще не очень остыло. Можно закончить ужин вполне сносно.

– Товарищ генерал!

– Что? Ты еще здесь? – удивился Федоров. – Какого рожна тебе еще нужно? Звезда на погонах лишняя? Поднимай всех, с машинами для меня только не забудь разобраться. И... Ты чего, полковник?

Генерал не поверил своим глазам. Вернее, поверил, ничего такого особо фантастического перед его столом не происходило. Стоял полковник в мятой камуфлированной форме и без

кепи. Так он почти всегда не очень следит за своим внешним видом. То, что у него в руке пистолет, – тоже, в общем, картина обычная, офицеры иногда устраивали стрельбы в овраге неподалеку от объекта. Но то, что пистолет этот был направлен в сторону генерал-майора Федорова, – было вопиющей небрежностью... Небрежностью же? Не злым умыслом? Не станет полковник угрожать генерал-майору пистолетом. Это же верный суд. И... И...

– Ваш ключ, – сказал полковник и протянул левую руку ладонью вверх.

– Да как ты смеешь? – возмутился генерал, все еще не веря в серьезность происходящего. – Ты как со мной...

Полковник ударил генерала пистолетом в лицо. Сильно, так, что генерал-майор, Герой России, слетел со стула и рухнул на пол.

– Где ключ и пакет с кодами допуска? – Иванченко перепрыгнул через стол, снося на пол посуду и приборы, схватил левой рукой генерала за горло и сдавил. – Где, сука, ключ и коды?

Пистолет уперся в лицо генерала, мушкой разрывая губу. Федоров почувствовал вкус крови. Вкус своей собственной крови.

Это было неправильно. Это просто не могло происходить. Это бред какой-то, не может этого...

Удар в лицо, ослепительная боль и хруст сломанного носа.

– Ключ!

Генерал попытался закричать. Тело разом ослабло, руки бессильно скользили по плечам полковника, не способные не то что оттолкнуть его, а даже просто остановить. Генерала словно парализовало. Ударить он тоже не смог, оставалось крикнуть, позвать дежурного... или официанта из столовой, денщика своего, откормленного мерзавца, который в самый нужный момент куда-то пропал. Нужно крикнуть. Крикнуть. Генерал открыл рот, попытался издать хоть какой-то звук, но ствол пистолета воткнулся в его рот вместо кляпа. Зубы крошились и ломались, заполняя рот кровью и острыми осколками.

– Я тебя убью, – прохрипел полковник. – Разнесу голову. Ты меня понял? Понял?

Генерал что-то невнятно прошептал, глядя расширенными от ужаса глазами в лицо полковника. Он наконец-то поверил в то, что все это происходит с ним на самом деле. И что полковник на самом деле осуществит свою угрозу и нажмет на спуск.

Полковник убрал пистолет:

– Где ключ?

В принципе ключ от главных ворот бункера генерал должен был носить всегда при себе, но он никогда этого не делал – не хватало еще где-то посеять эту штуку. Генерал Федоров не любил забивать себе голову всякой ерундой.

– Там, – прошептал генерал окровавленным ртом. – В верхнем ящике. А пакеты с кодами... пакеты с кодами в сейфе, в верхнем отделе...

Полковник встал на ноги, переступил через генерала, открыл ящик стола. Ключ от ворот был там. И ключ от сейфа тоже.

– Лежать, а то пристрелю, – сказал полковник, и генерал торопливо закивал, попытался что-то сказать, но кровь, заполнившая рот, помешала, запузрылась и потекла по щеке.

Нужно делать все, что этот сумасшедший требует. Потом, когда сюда приедут... Когда придет спецколonna, вот тогда... А еще можно будет позвонить командиру бригады. Точно, пусть только Иванченко выйдет из кабинета... Пусть только выйдет.

Полковник открыл сейф, достал пакеты. Торопливо перебрал, нашел нужные, бесцеремонно сломал печати.

– Хорошо, – прохрипел полковник. – Все есть. Хорошо.

Иванченко было трудно дышать. Сердце колотилось у самого горла.

– Хорошо, – снова повторил Иванченко. Теперь генерал не нужен. Теперь можно...

Убить, мысленно произнес полковник, медленно, словно пробуя это слово на вкус. Убить. Прострелить ему голову. Нажать на спуск пистолета и пробить голову пулей.

Но тогда выстрел могут услышать снаружи. Полковник был уверен, что сможет все потом объяснить людям, но если его застанут над мертвым комендантом объекта – все может выйти из-под контроля. Стрелять нельзя.

Полковник оглянулся. На стене возле письменного стола висело несколько кавказских кинжалов. Генерал какое-то время служил в тех местах и собрал небольшую коллекцию оружия дикарей и аборигенов, как он сам любил рассказывать гостям.

Все клинки попробовали крови, многозначительно говорил генерал.

Вот и пригодилось, сказал полковник. Вот и хорошо. В ушах грохотало, весь мир, казалось, вибрировал в такт сердцебиению полковника Иванченко.

Вот и хорошо. Вот и пригодилось. Вот и хорошо... Полковник вытащил кинжал из серебряных ножен.

– Нет... – простонал генерал. – Не нужно... Не-ет...

– Да, – сказал Иванченко, наклоняясь к генералу. – Знаете что, товарищ генерал-майор? В мире эпидемия. Люди гибнут. Я думал, что у нас она еще не началась... И ты думал, что еще есть время, мясо жрал, о своем барахле беспокоился, а она уже здесь, люди от нее уже умирают... Вот ты умрешь, сука!..

Полковник замахнулся, потом вдруг замер. Федоров с ужасом понял, что полковник смеется.

– А ты идиот, генерал. – Иванченко вытер слезы, выступившие от смеха. – Ты себе готовил в бункере многокомнатные апартаменты, ты ведь самый главный здесь, у тебя и твоей семьи должны быть самые лучшие условия... А ты не подумал, что в этом списке есть куда более высокое начальство... Не подумал, что это они будут жить в твоих апартаментах, а тебя поселят в лучшем случае в четырехместный лейтенантский кубрик, с твоей женой. А сыновей твоих в приказе нет. Ты надеялся, что сможешь их протащить нахрапом, со шмотками и детьми... Ни хрена у тебя бы не получилось. Их бы оставили снаружи. Они тоже не доросли до права выжить. Не заслужили. Ты понимаешь меня, генерал? Понимаешь?

Генерал-майор Федоров его понимал. Смотрел на лезвие кинжала над своей головой и понимал, что полковник говорит правду. Правду, осознал генерал за секунду до смерти.

Глава 02

А ведь он приехал в эту шикарную квартиру на десятом этаже элитного дома умирать. Когда узнал, что жить ему осталось все ничего, что по приезду из Штатов его работодатель отдаст приказ уничтожить потерявшего страх и уважение охранника, Янычар поначалу хотел бежать куда-нибудь подальше. Он умел прятаться, его этому учили, накрепко вбивая в голову, в инстинкты, в рефлексy.

Бежать, вырвать у судьбы еще несколько дней-недель-месяцев-лет... Хотя нет, больше месяца ему все равно жить не дали бы. Парни работодателя дело свое знали туго, а Янычар как-то имел возможность наблюдать за их работой. Ополумевший от жадности Никитка Иванов попытался сбежать с деньгами и драгоценностями хозяйки, был достигнут в течение недели в глухой деревне Вологодской области и жестоко наказан.

Янычар вместе с другими бойцами шефа стали зрителями казни. Казни, другого слова подобрать было невозможно. Был эшафот, палач и зрители. Никитка умирал долго – почти четыре часа, а зрители четыре часа смотрели на это, стараясь не отводить глаз, – хозяин внимательно наблюдал за реакцией каждого.

Молодой хозяин, тварь спесивая. Со своей молодой хозяйкой.

Холеная сука тоже присутствовала при казни, ей поставили стул возле самого помоста, и Янычару даже показалось, что капли крови несколько раз долетали до ее руки. Тварь подносила руку к самому лицу, словно принюхивалась к запаху крови или собиралась алую каплю слизнуть.

Тогда Янычар испытывал только безразличность. Никакой жалости. Никто Никитку не заставлял красть. Да и ни на что-то важное и значимое собирался потратить он ворованное. Жить как человек, сказал Никитка при допросе, будто он знал, как именно живет человек. Сладко жрать, пить вдоволь и унижать всех, кого сможет?

О том, чтобы жить, Никитка сказал, когда еще думал, что все закончится просто побоями. Ну, или сломанными костями. Уж потом, все осознав, Никитка пытался что-то придумать, плел о больной матери и необходимой операции.

Это Янычара не тронуло. У него не было матери. Нет, человечья самка, выронившая его в этот мир, конечно, была, но матерью... можно назвать матерью тварь, которая просто выбросила в мусорный бак новорожденного ребенка? Его нашел дворник, вызвал полицию... нет, милицию – тогда еще была милиция, те очень удивились, что младенец еще жив, отвезли вначале в больницу, там новорожденному спасли жизнь, а потом отправили в детский дом.

Потом интернат, армия, спецкурсы, спецназ, снова курсы, подразделение особого назначения, сформированное из таких же, как Янычар, – без семьи, без прошлого и, если разобьются, без будущего.

Собственно, это Янычара не волновало. Ни капли не беспокоило. Он жил, пока была возможность. Был готов убивать ради этой возможности, для него никогда не стоял вопрос: нравственно лишить человека жизни или нет.

Ему даже о патриотизме и верности долгу перестали говорить после того, как он выполнил первые задания. Только верность командиру, исполнение приказа и готовность умереть, если прикажут.

Умереть ему не приказали, приказывали убивать, и он убивал. Его тогдашний шеф – старый хозяин – прекрасно знал характер Янычара, использовал его эффективно, безжалостно, но при этом бережливо, всегда обеспечивая пути отхода, предусматривая при планировании операций возможность спасения.

Янычар даже испытывал к своему шефу нечто вроде благодарности. Насколько мог, конечно.

Потом старый хозяин подарил Янычара своему сыну – Молодому хозяину. Как боевого пса презентовал на тридцатилетие. Так и сказал при Янычаре, не стесняясь, – это подарок, сынок. Я ему верю, и ты верь. Он подохнет, но не предаст.

– Правда, Янычар?

Янычар ничего не ответил, просто кивнул. Ему даже не было обидно. Даже наоборот, старый хозяин как бы убирал Янычара с передовой, гарантировал ему сытую и безопасную жизнь: больше никто не будет отправлять его в джунгли, пустыню, в бездну чужих городов, в огонь, смерть и грязь. Теперь можно будет просто охранять нового хозяина. Хозяина и хозяйку.

С грязью Янычар ошибся, но это его тоже не очень огорчило. Грязь окружала нового хозяина, была внутри его, но Янычару было на это плевать. Ему хорошо платили, обеспечили жильем, гарантировали от мелких неприятностей, связанных с выполнением заданий Молодого хозяина. За три года работы на этого холеного ублюдка пришлось несколько человек ликвидировать, еще большее количество искалечить и припугнуть. Были сожженные дома, взорванные машины... И ни разу никто даже не попытался добраться до Янычара.

Это было хорошо. Это было правильно. Человек, честно выполняющий свою работу, должен быть вознагражден. Если, конечно, человек этот осторожен и верен. А Янычар был абсолютно верен и предельно осторожен. Он знал, что доверчивые и мягкотелые живут недолго. Хочешь выжить в этом самом прекрасном из миров – никому не верь, будь всегда готов броском уйти с линии огня и ответить ударом на удар.

Янычару даже удалось проскочить мимо постели любвеобильной хозяйки, считавшей, что охранники мужа обязаны кое-что делать для его жены. Бывалые парни из охраны предупредили Янычара о такой угрозе, рассказали в подробностях о печальной судьбе одного из них, попавшегося на этом деле. Ей-то ничего, а он...

Янычар всячески избегал оставаться наедине с хозяйкой, первое время это было непросто, но потом пришел новый водитель, и дама переключила свое внимание на него.

Лучше бы она подохла, произнес вслух Янычар. Лучше бы она подохла.

Или даже нужно было ее убить своей рукой, подумал Янычар и был вынужден признаться самому себе, что никогда не стал бы этого делать без веской причины. Верный пес, мать вашу. Верный сторожевой пес.

А эта тварь, поехав с мужем и двумя телохранителями в Штаты, сказала мужу... выкрикнула ему в лицо, когда он сделал ей замечание по поводу молоденького коридорного в отеле, что будет делать все, что захочет, с кем захочет и как захочет... Что ее муж без своего тестя – ничтожество, что его просто смахнут со стола, как хлебную крошку... раздавят, как клопа... и вообще, какая ему разница, при его-то размахе ветвистых рогов, отростком больше, отростком меньше...

– ...Вон, даже твои охранники...

– Что? Кто именно?

– Да Янычар твой хваленый, вот кто! Понятно? Даже твоему верному Янычару плевать на тебя, импотент! И я трахалась и буду трахаться... трахаться-трахаться-трахаться...

Молодой хозяин свою жену даже не ударил. Замахнулся, но не ударил. Ссориться с ее тестем и в самом деле было нельзя, никак нельзя. И про крошку, и про клопа жена сказала правду, а вот Янычар...

– Валить тебе нужно из Москвы, – сказал Янычару по телефону один из телохранителей, поехавших с шефом в Америку. Выбрался из гостиницы и из уличного автомата позвонил на запасной мобильник Янычара, номер которого знали немногие.

– Эта сука тебя сдала, – сказал телохранитель, кратко пересказав то, что происходило в шикарном номере гостиницы в Лас-Вегасе. – Так все и выложила. Он побелел, и у него рот стал дергаться. Ну ты знаешь, как у него дергаются правые губы, когда он психует...

– Губы справа, – поправил телохранителя Янычар.

– Да какая разница! – взорвался тот. – Какая, на хрен, разница? Он же не станет разбираться. Он же...

– Я понял, – сказал Янычар. – Спасибо, что позвонил.

– Да я... Чего там... Только ты... Ты телефон разбей и выбрось. На всякий случай, – попросил телохранитель. – Мало ли что...

– Я понял, сделаю, – успокоил его Янычар. – Твоего звонка никто не отследит.

И сердобольный приятель, кстати, тоже не сможет его телефона отследить. Мало ли отчего это он решил предупредить Янычара? С каких это Янычар должен ему полностью доверять?

А все остальное... Может, ему приказал сам хозяин, решивший устроить охоту с травлей. Дать Янычару почти неделю форы, а потом пустить по следу гончих.

Любил хозяин охоту. На любую дичь, в любое время года. Даже, поговаривали те парни, что работали у него в охране давно, по молодости лет участвовал в охоте на людей. Была такая мода у золотой молодежи – вывозили человечка в тайгу или пустыню, отпускали, а потом убивали, настигнув.

Старый хозяин вмешался и запретил вроде бы.

То есть вполне могли уже приставить к Янычару соглядатая и потом только дать команду спугнуть жертву. Пусть ищет выход, пусть подергается, прежде чем попадет в руки Молодого хозяина.

Почти сутки Янычар потратил на то, чтобы убедиться – хвоста нет. Уничтожил все свои телефоны, даже те, которые держал про запас, сломал и выбросил сим-карты, оставил свой «Фольксваген» на окраине Москвы с ключом в зажигании – кто-то машину угонит, к гадалке не ходи, а если в машине стоит «маячок», пусть гончие побегают за пустышкой.

Фальшивых документов в запасе у Янычара не имелось, не было необходимости, был небольшой запас денег, пара стволов: «глок» и гладкоствольный карабин. В свою однушку на окраине он решил не возвращаться. Уходить из Москвы следовало пешком, ни к кому не обращаясь, избегая уличных видеокамер. За городом сменить несколько машин, уходя все дальше и дальше, потом снова рвануть пешком, потом... и так всю оставшуюся жизнь.

Долгую или недолгую, но уходить, бежать, прятаться... Уйти в тайгу, на Север? Сбежать за границу? Все это только отложит смерть, понимал Янычар. И более того, доставило бы радость Молодому хозяину. Охота! Хозяин любил охоту, а тут...

Это кажется только, что мир огромен, что есть места, где можно спрятаться от настойчивого преследователя. Черта с два! Найдут где угодно, вопрос только времени и денег.

И никакой доблести, чести, гордости – только бегство, бегство и бегство. И сознание того, что даже этим своим бегством ты доставляешь удовольствие своему врагу.

Да какого черта, подумал Янычар. Почему он должен умирать, а его хозяин и жена хозяина будут жить. Они имеют право жить?

Ладно, сказал себе Янычар. Они должны вернуться домой через три дня. Из аэропорта приедут сразу в свою квартиру в центре, они всегда приезжают в нее, а потом уж решают – на дачу махнуть или в гости к родителям жены.

Два телохранителя плюс водитель. Три человека – не проблема. Нехорошо получится, если тот охранник, что предупредил Янычара, попадет под пулю, но работа у него такая. Думать было нужно, когда выбирал. Его проблема.

Пробраться незаметно в элитный дом и не засветиться на камерах наблюдения было несложно. Следуя своей привычке, Янычар уже давно изучил все входы и выходы шикарного строения. Дыр в охране был много, но Янычар никому ничего не говорил – у него не спрашивали, и это была не его зона ответственности.

Ключ от квартиры у Янычара имелся, код отключения сигнализации он знал, оставалось расположиться в квартире, дожждаться появления хозяев и...

Хозяина он собирался убить сразу, пуля в лоб – и готово. А вот сука должна была умереть небыстро, четыре часа, как у Никитки, ей устроить не получится, но несколько неприятных минут Янычар ей подарить собирался.

А потом – умереть. Цепляться за жизнь Янычар не собирался, понимал, что после убийства за ним будет охотиться уже Старый хозяин. И его спецы. Выпадало Янычару погибнуть в перестрелке либо с охранниками дома, либо с полицией. Значит, так тому и быть. В одиночку умирать – невесело, а вот забрать с собой теплую компанию...

Значит, через три дня я умру, подумал Янычар. Он даже напиваться не стал из богатого хозяйского бара. Совершенно не хотелось. В груди была пустота, в мозгу была пустота... Ничего не хотелось – только дожидаться хозяев квартиры. И все. И больше ничего.

Еще день у Молодого хозяина в Лас-Вегасе, потом перелет на Восточное побережье и рейс до Москвы. Проверять и готовить квартиру к их прилету никто не будет, огромный холодильник забит всякой снедью под завязку, выпивка в баре, запасы питьевой воды и даже автономный генератор электроэнергии на балконе.

Нужно быть готовым к неожиданностям, сказал как-то хозяин. Конец света в доме, конечно, не пересидишь, но небольшой катаклизм или какую-нибудь заваруху – вполне. Или с ходу закатить шикарную вечеринку человек на пятьдесят. Настоящий человек должен жить в комфорте и безопасности. Сказав эту фразу, Молодой хозяин многозначительно поднял указательный палец. Сразу стало понятно, что свою службу и охрану он к настоящим людям не относил. Так, элементы декора и бытовые приборы, умеющие говорить и принимать устные команды.

В квартире была оружейная комната, собирались оборудовать тревожную, бронированный короб, позволявший спрятаться от бандитов и убийц, но потом решили не заниматься ерундой, просто укрепили внутренние стены и поставили особо прочную дверь.

И все равно – это их не защитит. Янычар принял решение и выполнит его любой ценой.

Очень хотелось посмотреть напоследок в глаза хозяина, увидеть, как улетучивается из них напускные равнодушие и скука, как сползает с холеного лица маска самодовольства и спеси. Только не получится. Придется работать против трех профессионалов, работать быстро. Вначале – охрана, потом хозяин, потом его жена.

Нужно только дожидаться.

Янычару так хотелось взглянуть в лица хозяев, что он не удержался, вышел через компьютер на веб-камеры Лас-Вегаса и какое-то время пытался рассматривать лица людей, входящих и выходящих из отелей и казино. Чушь, конечно; выхватить из толпы праздношатающихся бездельников знакомые лица было невозможно, но Янычар, сделав себе бутерброды и взяв из холодильника банку пива, сидел перед компом, переключаясь с одной камеры на другую. Он не знал, в каком именно отеле они остановились, догадывался, что это нечто шикарное, блестящее, навороченное и жутко дорогое – полностью во вкусе хозяйки.

Сверкали миллиарды огней, люди бродили по улицам, садились в машины, выходили из них – все было мелким, будто ненастоящим. Роевание мошкеры, слетевшейся на яркий свет из ночной темноты.

На информацию о вспышке какой-то эпидемии в Израиле Янычар поначалу внимания не обратил. Ближний Восток? При чем здесь Ближний Восток? Есть только Лас-Вегас и Москва. Даже не вся Москва, а только вот эта двухуровневая квартира почти в самом центре города.

Да пусть все эти евреи и арабы хоть вымрут до единого человека, подумал Янычар.

Ему доводилось убивать и тех, и других, и особой разницы он не заметил.

Янычар продолжал следить за Лас-Вегасом, уплетая бутерброды, в очередной раз протирая «глок» и лишь время от времени включая телевизор, чтобы не пропустить чего-то важного, касающегося его будущей смерти: забастовки диспетчеров, урагана над Атлантикой, очередного теракта в Москве – всего, что могло задержать его хозяев в дороге.

Эпидемия проникла в Соединенные Штаты, сообщили в новостях. Зараза распространяется с невероятной скоростью, власти ничего не могут поделать, сообщили в новостях. Похоже, что Америка обречена, с плохо скрытым злорадством судачили в русскоязычном секторе Сети. Так им, пиндосам, и нужно, это они сами доигрались, сообщали одни; жида чего-то сварили у себя в лаборатории, возражали другие; Апокалипсис грядет, кричали третьи.

Насекомые в Лас-Вегасе на мониторе компьютера засуетились, будто кто-то плеснул на них кипятком... Или походя опрыскал из баллончика инсектицидом. Крохотные бессмысленные насекомые бежали к машинам, машины сплошным потоком заполняли улицы – выжженные солнцем, обычно пустые в это время.

Бедные насекомые пытаются убежать от безжалостной руки великана, раз за разом поливающей их ядом. Только минуту назад крохотные человеческие фигурки потоком бежали из дверей гостиницы, как вдруг что-то произошло, какая-то заминка перед автостоянкой.

Янычару пришлось присмотреться, чтобы разобрать – люди падали на бетон, бились в судорогах. Большинство падали и бились, некоторые замирали в ужасе, окруженные умирающими людьми, их вроде бы зараза не коснулась. Замирали, потом пытались бежать дальше к машинам, перепрыгивая или обходя бьющиеся в судорогах тела.

Некоторые из не пострадавших пытались чем-то помочь, наклонялись к заболевшим.

– Идиоты, – пробормотал Янычар, глядя на монитор.

Понятно же: повезло, не накрыло этой заразой – беги. И не с толпой беги, а куда-нибудь в сторону, туда, где мало людей... Да вернуться в отель, в конце концов. Снести все преграды на пути, проломить несколько черепов, если обслуга попытается не пустить, забиться в номер на каком-нибудь высоком этаже и, закрывшись, ждать. Черт его знает, как эта зараза передается?

Если воздушно-капельным путем – есть шанс уцелеть. Вода в номерах есть. И в трубах некоторое время еще будет... Хотя если заражение пришло через водопроводную воду, то лучше потерпеть. Или кипятить эту хренову воду.

Не метаться перед гостиницей, не лезть в машину, которую все равно зажмут если не на стоянке, то в пробке на ближайшем перекрестке. В таких обстоятельствах не нужно искать союзников, нельзя даже хвататься за родственников и знакомых.

Бежать в одиночку, прятаться, убивать всякого, кто попытается помешать, отобрать запасы или вцепиться просто в поисках защиты и помощи.

Янычар переключил несколько камер – на всех было одно и то же: хаос, смерть, ужас. Он не видел подробностей, не мог рассмотреть деталей. Крохотные человечки бежали, сталкивались, падали... Белый, обожженный солнцем бетон дорог покрывался черными пятнами крови. И пятен этих становилось все больше и больше.

Пиво в банке закончилось. Янычар встал из-за стола, не торопясь, сходил на кухню, достал новую банку из холодильника. Открыл, сделал глоток, постоял, задумчиво глядя в стену, прикидывая – оставить банку и сходить в туалет или банку все-таки допить, чтобы пиво не выдыхалось.

Решил допить.

Вернулся в кабинет шефа, сел в кресло, поерзал, устраиваясь.

Что-то изменилось на экране монитора. Что-то...

Странно, подумал Янычар. Лежащих на асфальте и бетоне тел стало значительно меньше, зато появились люди, которые не пытались скрыться или убежать. Они набрасывались друг на друга, бросались вдогонку за убегающими, валили их и били-били-били...

Похоже было, что те, кто нападает, не просто убивали свои жертвы. Янычар не сразу поверил своим глазам. Люди, кажется, рвали упавших зубами. Темные пятна растекались из-под тел.

– Ни хрена себе, – сказал Янычар и сделал глоток из банки.

Это получается, что и хозяин с хозяйкой где-то так же бегут, падают... или уже бьются в судорогах... или...

Янычару очень захотелось, чтобы хозяйка напала на своего супруга и вцепилась ему в глотку. Она всегда была хищницей... даже не хищницей, а падальщиком, гиеной с мощными, всесокрушающими челюстями.

И вот она одним ударом валит своего мужа, разрывает на нем безумно дорогую рубашку самого модного в этом сезоне бренда и впивается в глотку своими шикарными, ослепительно-белыми зубами. И воет, закинув голову, проглотив очередной кусок плоти.

Янычар допил пиво, бросил банку в угол кабинета.

Это все?

Это значит, что никто не приедет в эту квартиру, что никто не прикажет убивать Янычара, не пустит по его следу загонщиков и убийц? И не Янычар убьет этих уродов, а какой-то неизвестный вирус? Крохотная козявка, даже не испытывающая к хозяину и хозяйке никаких чувств?

Даже обидно, подумал Янычар.

Он несколько раз переключил камеры, перепрыгивая из одного города Соединенных Штатов в другой. В Нью-Йорке на улицах горели машины. Толпы людей... Нет, не людей, они двигались не так, как двигаются люди, они, скорее, перемещались будто стаи диких, обезумевших животных – метались по улицам от дома к дому, набрасываясь, разрывая в клочья людей, не успевших обратиться в какое-нибудь укрытие.

В Вашингтоне такая стая натолкнулась на цепочку солдат или национальных гвардейцев – на мониторе не разберешь, но скорее, гвардейцев, законы запрещают вводить в округ Колумбия армию.

Солдаты в костюмах химзащиты стояли поперек дороги перед мостом. Сам мост был перегорожен двумя БМП «Бредли». В кадр все время попадали клочья черного дыма – что-то горело. Толпа, увидев солдат, бросилась к ним, наверное, кто-то из офицеров предупредил бегущих о возможном применении оружия, потому что через несколько секунд солдаты подняли винтовки и открыли огонь.

Метров с пятидесяти, практически в упор.

Солдат было человек сто, потоки свинца, которые выплонули их винтовки, должны были в несколько секунд выкосить первые ряды нападавших, усеять трупами улицу и обратить выживших в бегство, но только не в этот раз.

Несколько человек упали, но остальные преодолели оставшиеся метры до солдат в считанные секунды, и началась бойня. Солдаты продолжали стрелять, но пули, кажется, не производили на толпу почти никакого впечатления. И почти не действовали.

Солдатскую цепь смяли, толпа словно проглотила фигуры в костюмах радиационной и биологической защиты. Янычар не мог рассмотреть подробностей, но ясно себе представлял, что там сейчас происходит. И что сейчас произойдет.

Оба «Бредли» развернули башни и открыли огонь из пулеметов. Потом ударили пушки. На этот раз люди из толпы падали, но остальные все равно рвались вперед, к БМП. Машины двинулись с места, пытаясь давить обезумевших людей гусеницами, но это помогало мало – на броне, на башне боевых машин уже были люди, чем-то били по приборам наблюдения и прицелам.

Камера выключилась.

То ли в нее попала пуля, то ли кто-то специально отключил передачу.

И это правильно, подумал Янычар. Не нужно это показывать людям здесь. Зачем раньше времени рассказывать им, что ждет обитателей этого города, этой страны, всего этого мира.

Новости продолжали работать. Дикторы дежурными голосами рассказывали, что эпидемия проникла в Британию, в страны Европы, но в Восточной Европе все еще тихо, туда зараза

не попала. И вообще, меры принимаются, нужно только сохранять спокойствие и ждать указаний от правительства. МЧС и армия принимают меры для предотвращения...

Янычар сходил в туалет, потом тщательно помыл руки, не торопясь, их вытер.

Как жизнь устроена, подумал он. Я пришел в эту квартиру умирать. Да, вначале убить, но все равно – умирать. А теперь... Теперь, наверное, у него есть шанс выжить.

Бежать? Пока нет пробок – бросить все и попытаться вырваться на хозяйской машине, стоявшей в подземном гараже, за город. А потом... Быть настигнутым эпидемией в чистом поле? Если зараза прикончит его сразу – еще куда ни шло, а вот стоять перед набегающей неуязвимой толпой? Или загнанным зайцем бежать от нее? Нет, неохота. И бессмысленно.

Он уже все решил, сидя перед монитором и глядя на то, что происходит в Лас-Вегасе. Нужно оставаться на месте. Запасов в квартире хватит на него одного на месяцы. Воды – тоже. Если вирус или что там именно убивает людей, не доберется до него... или не тронет... он же видел, что далеко не все умирают.

Янычар задумался. Да, где-то треть людей на картинке с веб-камеры не умерли сразу. И даже те, кто упал и бился в конвульсиях, умерли не все. Они просто превратились в этих... в зверей. В уродов. Как в глупом фильме про зомби.

Бежать Янычар не будет. Он не побежал от мести хозяина, не побежит и от эпидемии. Он встретит ее здесь, на месте.

Янычар потянулся, попытался зевнуть. И обозвал себя позером и выпендрежником. Сколько раз собственноручно учил молодняк не умничать перед операцией, не демонстрировать всем окружающим, а прежде всего самому себе собственное спокойствие и невозмутимость.

Перед кем тут выпендриваться? Перед портретом хозяйской супруги на письменном столе? Перед портретом хозяйского отца на стене? Вот уж не стоит. Янычар встал из-за стола, прошел по кабинету, сомкнув руки за спиной. Ему неоднократно говорили, что у него уголовная привычка думать, вышагивая, держа руки за спиной, будто на тюремной прогулке.

Но ему и вправду так лучше думалось.

Умирать?

Какого черта – умирать? Жить. Побороться за жизнь и выжить – нормальная, реальная и почти совсем не фантастическая цель. Обычная постановка задачи. Слышал, Янычар? Тебе приказано выжить. Сделать все, чтобы...

Ты, конечно, можешь сразу же подохнуть от этого вируса? Или что это на самом деле убивает людей по всему миру? Убивает целый мир. Будем называть это вирусом. Как-то весомее звучит – погиб от вируса, чем микробы заели... Спокойно! Спокойно, приказал себе Янычар, понимая, что слишком уж завелся.

Да, ты можешь строить предположения, даже готовиться, прикидывать варианты, намечать планы, а вирус возьмет и грохнет тебя в первую же секунду. Досадно будет. Скорее всего, он вряд ли успеет вспомнить об этом, но сейчас это выглядит немного обидным. Только он решил доказать Вселенной, что готов потягаться с ней за свою жизнь, как...

С другой стороны, такой расклад у него далеко не первый раз. Бросок с парашютом на горный массив, вероятность удачного приземления в таких условиях – пятнадцать процентов, потом, приземлившись, он должен увернуться от патрулей, которых наверняка там будет множество, потом пройти почти триста километров по вражеской территории и только потом приступить к выполнению собственно задания. Они всей группой, все двенадцать человек до автоматизма отрабатывали действия во время второй фазы, запоминали названия улиц, номера домов, пароли, пути отхода. Целая неделя ушла на это, и никого не смущало, что до начала второй фазы можно просто не дожить, что предыдущая группа накрылась еще на стадии десантирования.

Так почему его должно волновать, что все приготовления могут оказаться впустую? Да, он может подохнуть на куче приготовленных припасов, среди оружия и патронов. Вдохнул-выдохнул, покорчился немного в конвульсиях и сдох. Но ведь может и выжить. Он сам видел, как многие оставались здоровыми среди умирающих.

– Значит, – сказал Янычар, – готовимся. Фаза два. Выжить, осмотреться, ознакомиться с новой обстановкой, а потом...

Потом вдруг окажется, что наши ученые приготовили антивирус. По улице проедет машина с мегафоном и прокричит всем – вставайте, выходите получать уколы! Вот тут, за углом, там, где аптека.

Вариант два – выдохнется эта зараза. Выработает ресурс и уснет. Или не на всех она действует. Не умер в течение первых суток – живи и радуйся. Трупы с улицы собери, закопай и радуйся.

Янычар подошел к двери кабинета, постоял, задумчиво постукивая пальцами по дверному косяку. Значит, снаряжение и оружие. Составлять маршруты движения – бессмысленно.

Раз-два-три-четыре-пять, начинаем выживать...

Хозяин Янычара... ныне покойный хозяин Янычара был все-таки сумасшедшим. При его деньгах и связях он мог спокойно наслаждаться жизнью. Да, терпеть свою супругницу, насколько это возможно, и всюю веселиться. А он, ненормальный, все готовился каким-то катаклизмам и катастрофам. И к тому, как выживет, как всем докажет, что он настоящий самец. С пулеметом в руках, во главе вновь основанного племени.

С пулеметом в руках, да. В оружейной комнате у него был пулемет. Обычный ПК, не какой-нибудь навороченный «американец» или «бельгиец», а свой родной, устаревший, но надежный и все такое... И самое главное, сказал как-то Молодой хозяин, к нему патроны здесь найти значительно проще, чем к «браунингу» и МГ.

Вообще, оружия, которое собрал в своей квартире... только в этой своей квартире самец, обычным людям хватило бы для посадки в тюрьму на всю жизнь. Оружия было много, боеприпасов было много, амуниции также лежало и стояло на полках в избытке.

Жена говорила ему, что он debil, до сих пор не вырос, остался мальчиком. Может, поэтому она ему и изменяла. Охранники посмеивались втихомолку и были вынуждены принимать участие в военизированных играх своего хозяина и его озабоченных оружием друзей.

Страйкбольное имущество Янычар отгреб в угол, чтобы не мешало и не сбивало с толку. Похожее на настоящее даже вблизи, не хватало еще потерять из-за этого пары секунд в случае чего.

Значит, ПК.

Янычар быстро разобрал пулемет, снова собрал, проверил механизмы, убедился, что все работает безукоризненно. Было несколько запасных стволов, что тоже характеризовало покойничка как человека аккуратного и предусмотрительного. Не смог только предвидеть свою судьбу, но тут он был не одинок.

Патроны. Три коробки со снаряженными лентами по триста патронов в каждой, и еще два ящика с цинками, россыпью. Ладно, хорошо.

Ящики Янычар оставил в оружейке, патроны и коробки вынес в прихожую. Штурма, скорее всего, не будет, но представить, откуда может явиться опасность – через проломленную дверь или по штурмовой лестнице на балкон, он сможет и позже. Янычар открыл одну коробку, заправил ленту в пулемет.

– Как-то так, – сказал себе Янычар. – Как-то так.

«Винторез», пара «драгуновок». «Бизон» – Янычар повертел оружие в руках и положил на полку, не доверял он таким вот прогрессивным разработкам. Главное – не переусложнять.

Все равно, в случае прорыва он не сможет утащить все это богатство с собой. Это в компьютерных играх можно таскать на себе и гранатометы, и ружья, и «вулкан», перехватывая

все это и пуская в дело по мере необходимости в нужный момент. А на серьезную операцию нормальные люди берут с собой основной ствол и что-нибудь маленькое запасное.

Этого добра в оружейке тоже было достаточно. Несколько «макаровых» – их Янычар даже трогать не стал, полагаясь на свой «глок», а мимо «стечкина» в деревянной кобуре пройти не смог. И мимо четырехствольного пистолета для бесшумной стрельбы – тоже. Автоматический «стечкин» был его мечтой с детства, а что-то по-настоящему бесшумное вполне могло пригодиться.

Юаровский дробовик двенадцатого калибра с барабанным магазином. Это штука забавная и, возможно, полезная. А то что-то не произвели на Янычара впечатления результаты применения М-16 на озверевшую толпу. Как-то малый калибр плохо работал.

Ножи и мечи.

Янычар хмыкнул, вытащив «катану» из ножен и осторожно потрогав пальцем лезвие. Настоящий «японец», без дураков, не новодел, был куплен уже при Янычаре за совершенно безумные деньги. Жалко будет его оставлять, если что. Красавец. С мечом разберемся, а пару ножей нужно с собой взять.

Потом Янычар осмотрел снаряжение и долго ругался. Все-таки Молодой хозяин был зажавшимся идиотом. Мальчиком, все еще игравшимся в солдатиков. Он приготовил несколько комплектов формы – разный камуфляж, разная ткань на все времена года, даже два костюма «кикимора» имели место быть, а вот «разгрузки», хотя бы простой армейской, он не приготовил. Понятное дело, не собирался он таскать на себе всю эту тяжесть, урод. За ним ее должны были носить.

Это как на дорогах элитных английских охотничьих ружьях никогда не было ремней. Если у вас есть возможность купить такое ружье, то также есть возможность нанять человека, который на охоте будет его за вами носить. Урод – он урод и есть.

Значит, что-то нужно будет приспособить для переноски боеприпасов. Ранец – понятно, но в бою из него патроны не достанешь.

В глубине души Янычар надеялся, что его мертвый хозяин, раз уж набрал столько оружия, запасется еще и гранатами, от пары десятков РГД Янычар бы не отказался, но тут его ожидания были обмануты.

Янычар примерил одежду, отобрал нужное, выгреб из запасов хозяина белье, носки, уложил необходимое в ранец, загрузил туда патроны, запасные стволы к пулемету, приподнял ранец с пола, прикидывая вес. Еще ведь нужно туда уместить что-то из продуктов, воду, аптечку... В общем, получалось, что лучше Янычару как можно дольше сидеть на месте и только потом, все просчитав и взвесив, уходить.

Ладно-ладненько.

Война войной, а обед – по расписанию. Или ужин. Пока Янычар возился со снаряжением, на улице стемнело.

Янычар заглянул в холодильник, прикинул, чего бы сейчас хотелось съесть, и решил, что ничего такого особого готовить не хочется. Ни картошку чистить, ни воду для макарон ставить. Полдюжины яиц и банки датской ветчины будет вполне достаточно.

Хлеба в доме не было. Были всяческие хлебцы, сухари, со специями и ароматизированные, но вот хлеба – хоть черного, хоть белого – в доме не было. И сразу захотелось хлеба. Теплого, с хрустящей коркой. Такой, что продают в магазине за углом.

Янычар даже некоторое время прикидывал – а не сходить ли? Не сбегать ли за хлебушком, пока люди еще не начали умирать на улицах? Это ведь недалеко – пять минут всего туда и обратно. И нарваться на вирус, сказал себе Янычар, разбивая точными ударами боевого ножа яйца на сковороду в кипящее масло. И на вирус – ладно, а вот на кого-нибудь из сбесившихся... Или просто на обезумевшую толпу паникующих.

Придется обойтись без хлеба, сказа себе Янычар. И заказать пиццу сюда в квартиру – тоже идея не из лучших. Обойдемся.

Янычар вдруг замер со сковородой в руке – черт, а ведь... ведь если он прав и завтра на Москву обрушится эпидемия, может случиться так, что он больше никогда не попробует ни свежего хлеба, ни пиццы, ни... ни много еще чего он не попробует. И не увидит. И не встретится.

Позвонить Наташе? Пригласить ее сюда, чтобы... Нет, оборвал свои мысли Янычар. С Наташей ему было неплохо, но это не стоило снижения собственных шансов на выживание.

Жить – дело индивидуальное. Если придется жрать кошек впоследствии, то одной кошки вряд ли хватит на него самого, на двоих – совсем ерунда.

Все, забыли о Наташе. Кто это вообще такая? Набор звуков. Шесть букв, шесть звуков. И все. И забыли. И забыли, я сказал!

Янычар поставил сковороду прямо на письменный стол, на зеленое сукно. Неужели попортится матерьяльчик? Что вы говорите? Какой ужас.

Открыл консервную банку, нарезал ветчину прямо в ней. Хотел и есть ножом – тактическим агрегатом с вороненым лезвием, но решил, что свинствовать не стоит. Ему, может, в квартире еще жить несколько месяцев.

Янычар сходил на кухню, потом снова вернулся туда за пивом и кетчупом. Подумал, решил, что все принесено, и сел в кресло. В холодильнике еще была икра и прочие деликатесы, но их трогать пока не хотелось. Вот когда завтра все начнется, а Янычар останется живым, вот тогда...

На улице кто-то закричал.

Женщина. Она вопила пронзительно, пытаясь выкрикивать какие-то слова, но получался только визг.

Нужно было закрыть балконную дверь, с укором напомнил себе Янычар. Он не стал сразу включать кондиционер, решил, что открытой балконной двери хватит. И теперь нужно было понять – идти глянуть с балкона вниз, пытаясь рассмотреть, что же там происходит и почему женщина кричит, или не его это дело.

Кричать мог кто угодно и сколько угодно, Янычара это не трогало, но вдруг все-таки уже началось? Он почему-то решил, что это будет происходит завтра и засветло, а ведь на самом деле вирусу наплевать на рассуждения и планы бывшего убийцы на службе у государства. Вирус вообще, может, собирался начать убийства в Москве именно с Янычара. Или вообще все было затеяно только ради этого убийства.

Янычар хмыкнул. Манией величия он никогда не страдал, психолог даже как-то указал в его карточке, что пациент сознательно занижает свою самооценку. Но убивать это не мешало, дисциплине где-то как-то даже способствовало, Старый хозяин пожурил верного пса, сказал, что себя нужно ценить...

Но не настолько же, чтобы верить в свою исключительность. Достаточно того, что он верит в свою неуязвимость для вируса. Вполне достаточно.

Янычар взял банку чешского пива, вывалил на финский хлебец кусок датской ветчины и вышел на балкон.

Фонари на улице внизу горели. Было немного прохладно, но не зябко. Хорошая осенняя погода. Нужно будет вытащить на балкон кресло-качалку и посидеть с пивом, укрыв ноги пледом. Как-то Янычара на одном задании здорово попортили конкуренты, Старый хозяин проследил, чтобы его подлатали качественно, а потом отправил на курорт в горы. Вечерами выздоравливающих отправляли на веранду подышать свежим воздухом. Без пива, правда.

И этого тоже больше никогда не будет, пробормотал Янычар. И такого спокойного вечера в засыпающем городе тоже больше не будет. Черные клубы дыма, мечущиеся стаи озверевших

людей, кровь, вопли, звуки выстрелов – это будет наверняка, а покоя – не будет. И относительно свежего воздуха...

Женщина закричала снова.

Янычар оперся о перила балкона и посмотрел вниз. На противоположной стороне улицы шевелились три или четыре тени. «Не нужно! – кричала женщина. – Николай, не нужно!.. Я прошу тебя, Николай!»

Мужчины дрались молча, было слышно только тяжелое дыхание и глухие удары. Видать, серьезно дерутся, прикинул Янычар. Иначе бы драка долго не тянулась, да и неслись бы вопли типа: «да ты... да я... да какого хрена...»

Людям оставалось жить меньше суток. Они могли видеть по телевизору то же самое, что видел Янычар, только он сделал правильные выводы, а они... Драка на самом краю жизни – это да, это по-нашему...

– Коля! – истошно закричала женщина. – Коля!

Драка закончилась, один силуэт медленно сползал вдоль фонарного столба на асфальт, второй нетвердой походной удалялся к перекрестку, в сторону магазина, в который Янычар так и не решился сходить за хлебом. Женщина пыталась поддержать падающего, но у нее это плохо получалось.

Даже до десятого этажа доносился странный kloкочущий звук.

А ведь беднягу убили, понял Янычар. Перерезали горло, сейчас наверняка из разреза течет, пузырясь, кровь. Серьезная драка. Прямо напротив элитного дома, охрана которого в принципе должна была уже давно вмешаться. Но не вмешалась, что показательно.

Женщина перестала кричать и тихо что-то скулила, опустившись на колени. Янычар доел бутерброд, запил его большим глотком пива и медленно двинулся по балкону, опоясывающему половину дома.

Москва выглядела обычно. Горели фонари, мельтешили огни реклам, с воем неслись троллейбусы, истошно взревел байк под каким-то сумасшедшим «спортОм». Все как обычно.

Янычар задрал голову. В это время над Москвой обычно летает много самолетов. Сегодня... Сегодня их пока не видно. Хотя не исключено, что Янычар просто не вовремя стал рассматривать небосклон. Может, сейчас пауза в расписании рейсов.

И летят к Москве авиалайнеры, битком набитые трупами, или зараженными, или просто с вирусом, о присутствии которого еще никто не догадывается. Как-то же попадет вирус сюда. Быстрее всего на самолете. Если не на обычном рейсовом, так на чартерном или частном, отправленном сердобольным папашей, чтобы вывезти свое чадо из Британии, где оно получало нормальное европейское образование, а не училось в Рашке, вузы которой для нормальных людей не подходят.

Янычар сплюнул вниз с балкона.

Мы жили в одной стране, в одном мире, а будто... Кто-то из обитателей этого дома задумывался хоть раз, почему ему можно все, а тем, кто живет за МКАДом можно только лишь то, что им позволят. Деньги? Конечно деньги, все рассудят деньги. И власть.

Янычара посылали в другие страны, чтобы он помогал решать проблемы, которые не решались с помощью денег. Хотя, если вдуматься, и в этом случае все решали деньги, только использовали их по-другому.

Кремль.

Молодой хозяин, ныне дохлый Молодой хозяин, любил приходить на этот край балкона, иногда с биноклем, иногда без, и рассматривал башни Кремля, будто хотел увидеть там что-то интересное или кого-то важного. Его отцу было достаточно реальной власти, основанной на силе и ее правильном и жестком использовании. А Младшему хозяину хотелось власти публичной. Чтобы узнавали на улице, чтобы почитали, чтобы...

У него были очень далеко идущие планы и серьезные амбиции, только все они остались в далеком Лас-Вегасе, что на Невадщине. Все эти планы лежали с перегрызенным горлом на автостоянке перед казино. Или в джакузи самого дорогого номера. А жена... или вдова сидела рядом, опустив ноги в кровавую воду, и вычищала кусочки плоти и кожи, застрявшие между зубами...

Янычар сплюнул еще раз.

Звезды на кремлевских башнях горели ровно и ярко. Они должны были внушать уверенность. Все будет хорошо, пока эти звезды горят, пока кто-то в кабинете под ними думает за всю страну.

– Кремлевские звезды над нами горят, повсюду доходит их свет... – продекламировал Янычар всплывшие вдруг в голове строки. Он не вспоминал их с семи лет, когда воспитательница в детдоме... – Хорошая родина есть у ребят, и лучше той родины нет...

От Кремля по темнеющему небу скользнуло несколько силуэтов, черное на темно-синем. Вертолеты. Четыре, прищурившись, рассмотрел Янычар. Двигатели работали почти бесшумно, вертолеты шли почти над самыми домами, но был слышен лишь звук ударов лопастей винта.

– О как, – сказал Янычар и отсалютовал вертолетам пивной банкой. – И лучше той родины нет!

Похоже, это эвакуация. И мы спасаем самое дорогое, что есть у страны. Руководителей. Они-то, ясное дело, должны быть спасены в первую очередь. А все остальные...

Снизу, с улицы, послышались звуки подъехавшей машины. Голоса.

Мужской говорил, чтобы быстрее, чтобы не брали лишнего, а женский доказывал, что так нельзя, что без вещей, своих и детских, она не поедет, не дикари какие-нибудь. Это ты можешь позволить себе...

Потом женский голос стал звать Доминику, и Янычар понял, что это жильцы из квартиры на четвертом этаже. Муж был в высоких чинах ФСБ, и видать, им уже разъяснили перспективы на ближайшее будущее. И он пытается вытащить свою семью в какое-нибудь убежище, а жена орет, выкликает свою горничную Доминику и требует, чтобы та тащила вместе с водителем чемоданы – все чемоданы, я сказала! – и детей.

– Доминика с нами не поедет, – тихо сказал муж.

– Конечно, поедет, – взвизгнула жена. – По-твоему, я сама буду стирать и готовить? И чемоданы я потащу?

– Она с нами не поедет! – повторил муж. – Ее все равно не пропустят в убежище...

– А ты договорись, – прикрикнула жена. – Ты всегда так – сопли жуешь, вместо того чтобы настоять, стукнуть кулаком по столу, в конце концов. – Своего Романа ты берешь с собой, а я...

– Роман довезет нас только до убежища, – совсем тихо сказал муж. – Я бы сам сел за руль, но сейчас на дорогах такое творится...

– Мне плевать, что творится на дорогах, – безапелляционным тоном заявила дама. – Доминика едет с нами. Можешь ей уступить свое место в этом вашем убежище.

Из дома вышли люди, по-видимому, тот самый Роман, водитель, с двумя громадными чемоданами в руках, и Доминика, которая вела за руки двух детей, близнецов Аристарха и Владигора.

– Садись в машину с детьми, Доминика, – торопливо приказала дама. – На заднее сиденье. Мы с тобой прекрасно поместимся с детьми, а хозяин поедет на переднем.

– Маргарита, – со странной интонацией произнес муж.

– Я уже много лет – Маргарита, – отрезала жена. – В машину.

Водитель загрузил чемоданы в багажник. Сходил к крыльцу и принес еще три.

Муж стоял и смотрел, как на заднее сиденье села его жена, потом, с хохотом и криками, дети.

– Доминика, можно вас на секунду? – сказал муж.

– Да, хозяин, конечно.
– Отойдем, – предложил хозяин. – Вот сюда, в сторону.
– Что вы там топчетесь? – Жена высунула голову в приоткрытую дверцу. – Сам говорил – нужно торопиться.

– Да, я быстро, – сказал муж. – Я практически уже закончил.

На улице щелкнул выстрел. Янычар даже вздрогнул от неожиданности.

Тело Доминики рухнуло на мостовую, хозяин переступил через него и быстрым шагом подошел к машине.

– Все-таки всегда все сделаешь по-своему! – выкрикнула жена, и дверца захлопнулась.

Муж открыл переднюю дверцу, остановился, оглядываясь по сторонам.

– Урод, – негромко сказал Янычар, но мужчина возле машины его заметил и поднял голову. Лицо казалось белым и безглазым.

– Лучше бы ты свою благоверную грохнул, – сказал Янычар. – Уж поверь мне. И себе б заодно в башку пулю всадил...

Мужчина торопливо сел в машину, дверца захлопнулась. Машина уехала, оставив на обочине мертвое тело. И снова никто из охраны даже не попытался вмешаться.

– Эпидемия, говоришь, – спросил у неба Янычар. – Смертельный вирус, говоришь? А может, все правильно? Может, так и надо? Пусть все вымрут к чертовой матери.

Заслужили, разве нет? Разве мы не заслужили смерть?

Янычар запустил пустую пивную банку в темноту, в сторону кремлевских звезд, будто и в самом деле собирался разбить одну из них.

С детства он мечтал найти и убить свою мать. Потом, когда подрос, понял, что шансов отыскать ее нет никаких. И вот сейчас вдруг подумал...

А ведь она подохнет от вируса. А те сволочи из морской пехоты Америки, которые несколько лет назад изуродовали ему руку и убили трех из четырех членов его группы – они уже подошли. И те, кто посылал его ребят на верную смерть, и те, кто считал, что есть настоящие люди, и быдло... Значит, есть на земле справедливость?

Осталось только подождать до завтра и своими глазами увидеть, как она работает. Если она попытается достать и Янычара – пусть попробует. Имеет право, в конце концов.

Глава 03

– Товарищ полковник... – Капитан Ермаков наконец не выдержал и решил окликнуть командира. – Сергей Иванович!..

Полковник сидел в кресле, опустил голову и скрестив руки на груди. За эту ночь он постарел на несколько лет. Да мы все, подумал Ермаков, все... И оборвал эту дурацкую мысль – не хотел бы он оказаться на месте полковника.

Ермаков после ухода особиста не ушел. Остался неподалеку от кабинета, а потом, держась в отдалении, двинулся вслед за Иванченко. Тот, казалось, ничего не замечал, шел к генералу сосредоточенный, словно сконцентрированный на одной мысли, настроенный на единственное действие... И капитан прекрасно понимал, на какое именно.

Когда Иванченко вошел в кабинет к генералу, капитан шуганул штабных и службу, приказал убираться и подождать в курилке возле плаца. Выстрел так и не прозвучал, капитан решил было, что полковник договорился или просто не смог себя заставить совершить убийство, но когда дверь открылась и полковник вышел в коридор, капитан увидел алые пятна на его форме и вздрогнул. К горлу подкатил комок – все, теперь пути отхода отрезаны. Теперь... Теперь нужно идти до конца.

Ермаков больше ни на шаг не отходил от полковника Иванченко. Стоял рядом с ним, когда полковник, собрав личный состав, сообщал всем о поступившем приказе. И о том, что, судя по всему, остановить эпидемию будет невозможно, и о том, что всех их, стоявших сейчас в строю, уже списали. Они были здесь, они сохраняли бункера, обслуживали их, а теперь... Теперь их вышвыривают прочь, как отработанный материал.

– Каждый из вас сможет прочесть этот секретный приказ, – сказал полковник. – Вы увидите, что из почти двух тысяч человек, офицеров, сержантов и солдат, в бункере приказано оставить тридцать девять. Техников, службу. Да, тридцать девять человек, из них двадцать два – люди семейные. С детьми...

Полковник замолчал на несколько секунд, словно слова застряли у него в глотке. Строй молчал. Люди понимали, что происходит нечто из ряда вон выходящее, каждый из них знал об эпидемии, но большинство по привычке верили официальным новостям. Все под контролем. Все будет хорошо. Нужно только выполнять приказы. И вдруг...

– С детьми, – повторил полковник. – Только ни семей, ни детей в этом списке нет. Слышите? Нет. И ничьей семьи, кроме генеральской, в этом списке нет!

Полковник повысил голос, птица сорвалась с ветки дерева и пролетела над самой его головой, словно материализовавшаяся черная мысль.

– Через восемь часов сюда прибудет спецколонна. И у вас... у нас есть два выхода. Подчиниться приказу и освободить территорию до прибытия колонны. Или взять спасение своих семей в собственные руки. – Полковник снова замолчал, опустил взгляд, словно только сейчас заметил уже засохшую кровь на носках своих ботинок. – Я не буду никого заставлять. И не буду угрожать. Я знаю, что многие из вас... Что семьи многих из вас находятся далеко, и вы просто не успеете их доставить в бункер. Вы можете остаться здесь, а можете уйти – я не стану задерживать. Надолго не стану задерживать. Попрошу сдать телефоны и прочую технику и подождать несколько часов, пока мы закончим эвакуацию семей. Потом... Потом вы сможете выбрать. Сами выбрать!

Строй молчал, не шелохнувшись.

Это был мятеж, понимал каждый. Это было преступление. Но это был шанс выжить. И спасти своих близких.

– Старший лейтенант Мухаметшин! – неожиданно позвал полковник. Тишина.

– Старший лейтенант Мухаметшин! – крикнул полковник.

– Я! – прозвучало с правого фланга.

– Ко мне! – приказал полковник.

Ермаков напрягся. Если полковник решил прямо сейчас произвести показательную чистку, то можно ожидать всякого – старлея на объекте любили, он был душой компании, всегда готовый помочь, поддержать, одолжить до зарплаты. Ну кто знал, что он из особистов? Никто не знал, относились как к человеку.

– Есть! – Мухаметшин вышел из строя, пробежал через плац, за десять шагов, как положено по уставу, перешел на строевой и, вскинув руку к козырьку каскетки, попытался отпортовать о своем прибытии.

– Отставить, – махнул рукой полковник.

Левой рукой махнул, заметил, напрягшись, капитан Ермаков, а правая вроде как случайно коснулась набедренного кармана брюк.

– Руслан, ты что выбираешь? – тихо, так тихо, что никто, кроме Мухаметшина и капитана Ермакова, ничего не услышал. Одними губами прошептал. – Ты со мной?

Мухаметшин растерянно оглянулся через плечо на строй. Посмотрел Иванченко в глаза, скрипнул зубами и кивнул:

– Я с вами, товарищ полковник. Я...

– Товарищ старший лейтенант! – громко произнес полковник, вскидывая руку к козырьку. – В связи с временным отсутствием майора Петрова приказываю вам исполнять его обязанности. Обеспечить функционирование объекта в условиях повышенной опасности и возможного нападения на объект.

– Есть! – звонко ответил старший лейтенант.

– Командирам подразделений ко мне! – приказал полковник, когда Мухаметшин встал на свое место в строю. – Те, кто будет выполнять мои приказы, – направо, остальные – налево.

Никто из командиров налево не встал.

– Хорошо, – сказал полковник. – Провести опрос в своих подразделениях. На все – пятнадцать минут. Дежурной смене бункера прибыть к главному входу через двадцать минут. Адреса и списки семей, номера телефонов их родных получить и передать тем, кто будет выезжать в городок. До моего приказа – никаких телефонных звонков. Мы все помним о бригаде прикрытия? Все?

– Товарищ полковник, – спросил командир стрелковой роты, – а генерал... Генерал – в курсе?

Полковник молча взглянул в глаза летехе, успевшему прослужить на объекте всего два месяца. Тот покраснел и отвел взгляд.

Остальные офицеры молчали, будто ничего особого лейтенант не спросил. Так, кашлянул. Сотряс воздух.

– Генерал... Я отстранил генерала, – медленно произнес Иванченко и повернул руки ладонями вверх.

Лейтенант гулко сглотнул, увидев на руках и на обшлагах куртки следы крови.

– Генерал передал командование мне, – сказал полковник. – Еще вопросы?

– Никак нет, – за всех ответил начштаба.

– Вот и хорошо. Авторота готовит грузовики. Все, что есть, вплоть до хлебовозки и самосвалов. Шесть БМП и шесть бэтээров – пойдут с колонной, остальные обеспечивают перекресток у Соколовки и съезд к объекту. Техникам приступить к расконсервации оборудования, рота охраны занимает оборону, согласно боевому расчету. Объясните всем, что стрелять придется... – Полковник замешкался, словно не мог решиться произнести страшные слова вслух. – Стрелять придется по своим. Возможно – по штатским.

Офицеры молчали.

– Либо они, либо мы, понятно? Если кто-то не чувствует в себе силы убивать – пусть сразу уходит. Сразу... Я намерен спасти свою семью... И даю возможность каждому из вас...

– У меня жена с детьми на курорте, – сказал, ни к кому не обращаясь, командир зенитного дивизиона. Просто произнес, глядя перед собой невидящим взглядом. – Через неделю должны были вернуться.

– Мне жаль... – Полковнику искренне было жаль майора, толкового офицера и неплохого человека. – Мне...

– Я останусь на объекте, – сказал командир дивизиона. – Развертываться для отражения пехоты и бронетехники? Воздух?

– Распределись. Вертушки смогут садиться только на плац. Или спускать спецназ по канатам на деревья. Бомбить и обстреливать чем-то тяжелым не будут. Им бункер тоже нужен целым. – Полковник взглянул на часы. – Приступайте!

Офицеры побежали к своим подразделениям, на ходу отдавая приказания.

– Ермаков, ты останешься на узле связи, – не оборачиваясь, сказал полковник. – За своими отправишь кого-нибудь другого. Мне нужно, чтобы связь функционировала, но чтобы... Чтобы...

– Генерал выехал за своей семьей, – негромко произнес капитан Ермаков.

– Вот именно, – кивнул полковник. – Вот именно. А то, что он телефон не берет, его дело, ты не в курсе.

– Товарищ полковник! – Ермаков тронул Иванченко за рукав. – Товарищ полковник! Спецколонна проследовала мимо первого поста технического контроля.

– Я слышу, – сказал полковник, не отрывая глаз. – Слышу. У нас еще куча времени. Пять километров от шоссе. Просто море времени.

Мы все-таки успели, подумал полковник и почувствовал, как рот наполнился горечью. Успели.

Колонна грузовиков ворвалась в городок, машины останавливались перед домами, офицеры бежали в свои квартиры, на ходу звоня по мобилкам. Быстрее-быстрее-быстрее.

– ...Ничего лишнего не брать. Только одежду и минимум личных вещей. Продукты, если нужно, только для детей. В бункере все есть. Никаких телевизоров, аудиосистем и прочей ерунды. Все равно ничего лишнего в бункер не пропустят. Главное – семьи. Шмотки выжить не помогут. У нас на все – четыре часа...

На самом деле было больше шести часов до прихода колонны, но рисковать полковник не собирался. Это биологическая угроза, если все пойдет не так, если там, наверху, не правильно рассчитали, и зараза проникнет на территорию России раньше, что все будет напрасно. Лучше действовать с запасом. В первую очередь – семьи.

Подъезжая к своему дому, полковник позвонил жене.

– Ты где сейчас? – В принципе было достаточно поздно, уже даже стемнело, так что семья, скорее всего, была дома, полковник спрашивал просто так, для проформы.

Спросил и затаил дыхание.

– Дома, – ответила жена. – А что?

– Собирайся, – сказал полковник.

– Что значит – собирайся? – не поняла жена.

– Как в Фергане. Помнишь? Вот так и собирайся. Ничего лишнего. И как можно быстрее. Буду через десять минут.

Он успел за семь.

Не дожидаясь лифта, взбежал на пятый этаж, своим ключом, не сразу попав в скважину, отпер дверь.

– Это я! – крикнул полковник. – Вы где там?

– В спальне, вещи пакуем, – ответила жена.

Она собирала вещи в две сумки. Младший сын, Валерка, помогал, переносил одежду из шкафа на кровать.

– Ты можешь объяснить, что случилось? – спросила жена, не прекращая работы.

– Потом, – сказал полковник. – Все потом. У тебя – пятнадцать минут.

– Успеем, – кивнула жена. – Только...

– Что только? – спросил полковник, оглядываясь. – А где Марина?

Наверное, дочь в своей комнате собирает свои вещи. У нее нет опыта матери, ее еще не было, когда им пришлось стремительно эвакуироваться из Ферганы. Маринка все еще думает, что могут быть вещи более важные, чем любовь, личная независимость и свобода.

– Марина! – позвал полковник.

– Ее... Ее нет. – Жена закрыла сумку, задернула «молнию».

– Что значит нет? – холодея, спросил полковник и сел на край кровати.

– Она с подругами уехала в Москву, – сказал Валерка. – У нее шопинг и кино.

– Как в Москву?... – Полковник посмотрел в глаза жене, и та вдруг поняла, что все происходит в самом деле, что это не нелепая придумка кого-то из начальства, не учебная тревога, а что-то страшное и смертельно опасное.

– Уехала. Спросила у меня, я... я разрешила...

– Как ты... – начал было полковник, но замолчал, понимая, что жена не виновата, что никто не виноват, что дочка не первый раз вот так укатила в столицу. – Я ей позвоню.

Полковник нашарил в кармане телефон, не сразу сообразил, что это не его, что это генеральский. Достал свой, отыскал номер дочери, послал вызов.

Вне зоны, сказал женский голос. Вне зоны, прошептал полковник.

– Да что случилось, Сережа? – Жена оттолкнула сумку и подошла к нему. – Почему ты молчишь?

– Я хотел с ней поехать, она даже согласилась, – сообщил Валерка, – но мама сказала...

– Да, – кивнул полковник. – Это мама правильно сказала.

– Все собрали?

– Еще нужно вещи Марины... – Жена смотрела в глаза мужа, словно пытаясь в них что-то рассмотреть. – Я быстро. Ее вещи... Теплое брать?

– Не нужно ее вещи, – сказал полковник хриплым голосом. – Возьмите только свое. И зимнее тоже. Мои куртку и шапку...

Полковник оглянулся по сторонам.

– А Крез где?

– Мы его пока закрыли на кухне. – Валерка засмеялся. – Он думал, что мы играем, пытался таскать вещи.

– Играем, – глухо повторил полковник.

– Вещи соберем и его тоже выпустим. Мы на твоей машине поедem? – спросил Валерка. Жена стояла посреди комнаты, с нарастающим ужасом глядя на мужа.

– Так получилось, милая, – сказал полковник. – Так получилось... Никто не виноват.

Жена зажала рот руками. На глазах появились слезы.

– Быстрее. – Полковник снова попытался вызвать дочь и снова услышал отказ. – У нас очень мало времени.

Когда они спустились к грузовику, возле него стояли люди, некоторые спрашивали, что случилось, но двое срочников с автоматами в руках на вопросы не отвечали.

– Иваныч, что за спешка? – пенсионер, сосед Иванченко по лестничной клетке, протолкался сквозь толпу зевак. – В войнушку играете?

– Что-то типа того. Показательная эвакуация.

– А... Бывает. Помню, в девяносто третьем нас...

– Ага, – невпопад ответил полковник и отодвинул соседа в сторону. – Давай, как вернусь – поболтаем. Как вернусь...

– Понимаю, служба. – Сосед повернулся к своим приятелям по домино и сообщил, что к чертям собачьим такую службу, ладно служивых гоняют, но семьи-то какого беса? Совсем одурели со своей боеготовностью.

Кузов грузовика все еще не был заполнен, полковник посмотрел на часы: еще десять минут – и нужно уезжать. И они уедут, даже если кто-то будет опаздывать всего на пять секунд.

– Папа, а Креза в машину? – Валерка крепко держал овчарку за ошейник. – Он играть хочет...

– Нет, сынок. – Полковник взял сына за плечо. – Крез останется здесь.

– Как же?.. – растерялся Валерка. – Он ведь... Он же всегда с нами. Может, я тоже останусь? Маринки нет, и я тут побуду. А когда вы вернетесь...

– Он останется здесь. Макарыч. – Полковник повернулся к соседу. – Пусть Крез у тебя пару часов побудет. Лады? С меня бутылка.

– Но бутылку – вперед! – засмеялся сосед и протянул руку.

– Уговорил. – Полковник положил в протянутую ладонь ключи от своей квартиры. – Выпивка – в секретере. Ну, ты в курсе, где обычно. Там еще может Маринка приехать, запаздывает что-то... Я не помню, ключи она взяла?.. С нее станется. Так ты ее пустишь? Я ей эсэм-эску сброшу, чтобы она к тебе сразу. Лады?

– Лады. – Макарыч взял из руки Валерки поводок. – Езжайте, повышайте бдительность, крепите оборону страны, а я прослежу. Могу и вправду твоего орла еще у себя оставить...

– Пап... – просительно протянул Валерка.

– Нет, орел с нами. Я давно обещал ему пострелять из «Корда».

– Правда? – задохнулся от восторга сын.

– Правда-правда...

От соседних подъездов бежали офицеры Узла-3 с баулами, с семьями. Несколько человек катили коляски. В бункере точно нет детского питания, подумал полковник. Тяжело будет.

Осталось пять минут.

Женщин и детей подсаживали в кузов, некоторые дети, поднятые из постелей, кричали и плакали.

– Детей-то зачем? – возмутилась тетя Клава, местная дворничиха. – Детей-то куда на ночь глядя?

– Нет, ты меня не останавливай! – прозвучал за спиной полковника женский голос. – Ну и что, что приказ? Мне нужно время. И я не стану возить своих детей в кузове. Не стану.

Полковник медленно повернулся. Жена капитана Петруненко славилась склочностью характера и легкостью поведения. Каждый гарнизон, в котором приходилось служить полковнику Иванченко, имел подобное украшение. И как правило, муж таким гарнизонным шалавам доставался спокойный, уравновешенный и безответный, что ли.

– Товарищ полковник! – Таисия Петруненко дернула его за рукав, одновременно отпихивая пытавшегося вмешаться мужа. – Что это происходит? Почему нас срывают посреди ночи и собираются везти куда-то? Моя дочь не будет ехать в этом... в этом... катафалке. Если нужно куда-то ехать, мы можем отправиться на своей машине. У нас «Мазда». Мы прекрасно доедем через час. Муж сбегает в гараж, а я пока закончу сборы. Я не собираюсь...

– Через час? – переспросил полковник, чувствуя, как ярость затапливает его мозг. – На «Мазде»?

– Да, а что такое? – Таисия Петруненко оглянулась по сторонам, словно ожидая поддержки от остальных офицерских жен.

Некоторые из них и вправду замешкались перед кузовом, явно ожидая дальнейшего развития событий. Мужья ничего толком не объяснили, тащат непонятно куда и зачем, а если

петруненьковой шалаве разрешат ехать на своей машине, то и они... Можно будет взять больше вещей, это мужьям кажется, что можно все уместить в пару чемоданов, а на самом деле...

– Петруненко, – с трудом сдерживая ярость, произнес полковник.

– Таичка... – Капитан положил руку на плечо жене, но та оттолкнула руку. – Тая!

– Отцепись, тряпка! – крикнула Таисия. – Значит, мы едем на машине, а вы... Вы вообще какое право имеете семьи офицеров тянуть с собой? Я буду жаловаться, я...

Капитан развернул жену к себе лицом и резко ударил. Ладонью по лицу. Раз и еще раз.

Крик Таисии оборвался, кровь потекла из разбитого носа.

– В машину, сука! – прорычал капитан, подхватил свою дочь на руки, передал кому-то в кузов. – Или иди на хер, шлюха!

Таисия стояла, потрясенно рассматривая кровь на своих руках.

Семьи офицеров и контрактников стали грузиться быстрее.

– Все, в машину! – приказал полковник Иванченко, снова посмотрев на часы. – Больше никого не ждем.

Его жена замерла, глядя на свой мобильник. Все это время она пыталась вызвонить дочку.

– В машину!

От дома успел прибежать лейтенант из продслужбы с женой. Подсадил свою супругу в кузов, запрыгнул сам.

– Все, – сказал себе полковник. И добавил, взглянув на свою жену: – Все, больше ждать нельзя.

Жена медленно подошла к грузовику, оглянулась, будто ожидала, что вот сейчас, через секунду появится ее дочь. Жену полковника подхватили за руки, подняли в кузов.

Таисия Петруненко продолжала стоять на мостовой. Она не могла поверить в то, что ее благоверный, о которого она столько лет вытирала ноги, вдруг посмел ее ударить...

– Вы видели? – завизжала она. – Все видели? Будете свидетелями. Я его, мерзавца, засужу. Я его! Я...

Капитан Петруненко выпрыгнул из кузова, попытался схватить жену за руки, она вырвалась и ударила мужа по лицу:

– И даже не вздумай извиняться, подонок! Я отберу Марию. И квартиру с машиной. А тебя... тебя... тебя посадят...

Петруненко ударил жену в живот. Он в молодости занимался боксом, удар получился точным и сильным. Жена задохнулась и стала сползать на асфальт. Капитан подхватил ее на руки и бросил в кузов через задний борт. Залез сам.

– Вперед, – приказал полковник, сев в кабину. – К месту сбора.

Все машины пришли вовремя.

– Хорошо, – сказал полковник и взглянул на часы.

Он давал время с запасом, на непредвиденные обстоятельства. Иванченко все еще надеялся, что случится чудо и дочь успеет вернуться. Ее подвезут на попутке, а телефон она случайно выключила.

Полковник приказал взломать аптеку у автобусной остановки и выгрести все – лекарства, вату, детское питание, предметы гигиены – все, что было на полках и в кладовой. Он хотел также вынести все из нескольких магазинов, но потом понял, что это он играет с собой в поддавки. Что это он пытается тянуть время, рискуя всеми доверившимися ему людьми. У него еще были свободные места в машинах. Он мог еще несколько человек забрать с собой, спасти их.

Кого?

Ту молодую парочку, гуляющую в темноте вдоль дороги? Жителей нескольких частных домов, расположенных неподалеку?

– По машинам, – скомандовал полковник. Первым пошла БМП с солдатами на броне. За ней машина полковника и все остальные.

На перекрестках к колонне присоединялись БМП и бэтээры, которые должны были обеспечивать отход. Все в порядке, все без происшествий. Несколько автобусов с семьями ученых из лаборатории вошли в колонну без проблем.

Сержант-контрактник с БМП, блокировавшей трассу, взмахом руки остановил колонну, подбежал к полковнику и доложил, что с полчаса назад на Москву прошла колонна военной техники. Танки, БПМ, БТР, грузовики. Полк или около того.

– Точно на Москву, к нам не свернули? – спросил полковник.

– На Москву, я смотрел.

– Значит, так тому и быть.

Уже когда колонна втянулась в лес, вдруг подал голос мобильник полковника. Звонила дочь. Она всегда, провинившись, старалась договориться с отцом, матери боялась как огня, а папка всегда дочку прощал.

– Привет! – весело поздоровалась Марина. – Вы мне звонили?

– Да, ты сейчас где?

– Мы ходили в кино... Я телефон выключила, а потом кинулись, а электричка уже ушла. И автобусы, ты же помнишь расписание?..

– Помню.

– Я тут у Леры. Ты помнишь Леру?

– Я помню Леру.

– Вот, я у нее заночую. Можно?

– Можно. – Полковник закрыл глаза, пытаясь держать себя в руках. – Матери не звони. А если она будет звонить...

– Я видела ее звонки, ты ей сам скажешь, хорошо? А если не верите, что я у Леры, так я сброшу ее домашний телефон, тут ее родители. Вы не подумайте...

– Мы не подумаем. Все хорошо. Все будет хорошо.

Машина въехала на территорию объекта.

– Все, милая, извини. Я тебе позже перезвоню.

– Утром?

– Может быть даже ночью. У нас тут небольшая запарка. Когда приедешь – ключи от квартиры у Макарыча. И Крез у него. А мы чуть позже приедем. Ты нас дождись. Хорошо?

– Хорошо, папка! Перед мамой за меня, бестолковую, извинись.

– Извинюсь. Спокойной ночи.

– И тебе спокойной ночи.

Но спокойной ночи не получилось.

Отправив членов семей в жилые помещения бункера, полковник до самого утра не присел ни на минуту. Все, что могло пригодиться в бункере в течение шести месяцев, было перенесено из надземных зданий объекта и со складов в бункер. Если места в кладовых не хватало, то матрасы, одеяла и подушки, мешки с овощами, медикаменты из медпункта, оружие и боеприпасы из оружейных комнат, постели, стиранные и грязные, обмундирование, ОЗК и противогазы – все укладывалось вдоль стен коридоров и в бытовых помещениях.

Бочки с дизельным топливом и бензином перекачивали со складов в ангары, тщательно закрывали ворота, блокировали их снаружи БМП и БТР-ми, закрыв люки боевых машин на замки. Часть тяжелого оружия тоже забрали в бункер: одноразовые гранатометы, ПЗРК, минометы. И сколько успели боеприпасов к ним.

Под утро полковник задремал в кресле на центральном посту. И ровно через пятнадцать минут пришел Ермаков с сообщением о спецколонне.

Ну вот и момент истины, сказал себе полковник Иванченко. Вот сейчас все и станет на свои места. Полторы тысячи человек снаружи, полторы тысячи – внутри. И кто из них больше хочет жить?

Полковник спохватился, что до сих пор не переговорил с профессором Паршиным. А ведь обещал. Отправил только техников в лабораторию вместе с семьями и пару БМП с экипажами. На всякий случай.

Профессор ответил на вызов сразу, будто дежурил у телефона всю ночь. Или так оно и было.

– А я решил вас не дергать, – бодрым голосом сказал профессор. – У вас и так очень напряженное время. Мри доехали хорошо, спасибо вам. Ваших людей принял, за ваши танки...

– Боевые машины пехоты.

– Ну, значит за боевые машины пехоты – тоже спасибо. Как у вас?

– Угадайте.

– Понятно. Извините за дурацкий вопрос. Что колонна?

– Только что проследовала мимо второго пояса контроля. Тридцать автобусов, десяток грузовиков, четыре БТР.

– Это не очень страшно? – серьезно спросил профессор.

– Узел-три создан на базе противоядерного убежища. Он еще не на такое рассчитан.

– Понятно, только имейте в виду – нельзя допустить ни малейшей трещины, ни единой пробоины. Вы уже герметизировали бункер?

– Да. Давление повышено, системы жизнеобеспечения задействованы и переведены на замкнутый цикл.

– Это правильно. Я бы на вашем месте не доверял системам обеззараживания и дегазации. Просто поддерживайте герметичность. Я попытаюсь с моими умниками разобраться, что это за дрянь убивает всех подряд, но пока... Ни механизма действия, ни способа передачи... У меня только то, что удастся вытащить из Интернета. Центр ничего не сообщает. У меня только поинтересовались, как проходит эвакуация. И все. Такое чувство, что те, наверху, нас уже списали. Поняли, что средств борьбы нет и остается только выживать и выигрывать время.

– Я себе это так и представлял, – криво усмехнулся полковник. – Все как обычно. Сливки должны всплыть, а все остальное...

– Сливки – как вы мягко о наших отцах народа. – Профессор сделал паузу и когда продолжил, голос стал немного другим, а тон очень серьезным и даже напряженным. – Вы уверены, что сможете остановить колонну? Что они не прорвутся мимо вас ко мне?

– Никто ни в чем сейчас не может быть уверен. Но я сделаю все, что смогу.

– И ни в коем случае не открывайте прохода в бункер. Ни в коем случае. Похоже, что инкубационный период болезни – от примерно получаса до... Я не знаю до скольких. В Сети больше паники, чем информации, но кое-что понятно. Заражение происходит массово, как будто всех на территории накрывает одновременно. Две трети людей подвергаются заражению сразу, начинаются судороги, это видно на всех роликах и в трансляции со всех веб-камер. Треть людей остается незараженной. Около трети. А потом... Потом почти половина из тех, что были поражены и бились в судорогах, встают. И... Начинается нечто вроде зомби-апокалипсиса. Смотрели этот фильм, как его?.. По роману... Вот, как в этом фильме – зомби получают не вялые и медлительные, а очень подвижные и агрессивные. Любители человечинки и склонные к действию толпой. Так что...

Подал голос зуммер на пульте, кто-то пытался связаться с центральным постом от внешнего ограждения объекта.

– Я вам потом перезвоню, – сказал полковник и отключил связь с лабораторией.

У них еще будет время поболтать с профессором, обсудить текущие события. Зомби-апокалипсис, говоришь? Майору Петрову, например, этот жанр не нравится. Да и кому он

может нравиться, если не на экране, а за стеной? И если эти зомби или как их там могут прийти за твоей дочерью... или она сама может стать...

Полковник приказал себе перестать думать о Марине. Она уже умерла. Даже если еще досматривает сны в теплой постели. Умерла, и не нужно о ней думать.

Зуммер продолжал требовать ответа. Офицеры, сидевшие в центральном посту, поглядывали на полковника. В глазах был... нет, не страх. Напряженное ожидание. Может, не нужно поднимать трубку? Может, просто переждать? И там, за ограждением, за минными полями все само рассосется? А может, сейчас позвонят и скажут, что все, никакой эпидемии? Что все закончилось и можно отвезти жен и детей по домам?

Полковник протянул руку, переключил связь с трубки на динамики. Повернул к себе микрофон на гибкой металлической ножке. Вдохнул, набирая воздух в легкие, и выдохнул:

– Да.

– Вы там спите, что ли?! – прозвучало в динамиках, и офицеры, как краем глаза заметил Иванченко, втянули головы в плечи. – Немедленно открывайте!

Голос был властным, не терпящим возражения, но, как показалось полковнику, не военный. Чиновник высоко уровня, но не военный. Даже не из ФСБ.

– Кто на связи? – спросил полковник, повернулся к сидящему справа лейтенанту и указал на выключенный монитор.

– Что значит – кто на связи? Вы с ума, что ли, сошли? Генерала Федорова к телефону!

– Генерал сейчас занят, – сказал полковник. – Не может подойти к пульта.

Экран монитора наконец зажегся. Камера наблюдения была расположена чуть в стороне от ворот, чтобы не привлекать лишнего внимания посетителей. Особенно посетителей нежелательных.

Невысокий плотный мужчина лет пятидесяти стоял перед воротами и, нажав на кнопку переговорного устройства, говорил с видом уязвленного самолюбия. Справа от него и чуть позади стоял господин, тоже одетый в камуфляж без знаков различия. Но если первый излучал уверенность и ожидание подчинения, то второй, скорее, демонстрировал готовность броситься на любого по приказу начальника. Как хорошо дрессированный сторожевой пес.

– Федоров что – напился на радостях? – осведомился начальник. – Немедленно его к телефону. Хоть на руках принесите.

– В принципе, – сказал полковник и посмотрел на офицеров, внимавших его разговору с прибывшим начальством. – В принципе я мог бы приказать принести генерал-майора Федорова к пульта связи, но это вряд ли упростит вашу с ним беседу...

Иванченко поморщился – не было у него настроения вести беседу в таком тоне, хотелось сорваться хоть на ком-то, наорать, выплеснуть все, что накопилось, но время нужно было тянуть. Пусть на минуту, пусть на две оттянуть начало серьезного, настоящего разговора, с требованиями, угрозами и прочими элементами кризиса.

Еще существовала бригада прикрытия, способная раскатать Узел-3 в лепешку. Часу бригаде хватило бы за глаза, даже с учетом системы обороны бункера. С танками воевать изначально не планировалось. Да и тяжелая артиллерия вкупе с саперами шансов отбиться не оставляла.

– Вы там все пьяны, похоже! – процедил начальник.

Видно было, что он даже не разозлен, так, скорее раздражен, может быть, смущен этой заминкой. Ну, не приходилось ему, похоже, сталкиваться с такой вопиющей наглостью.

– С кем я говорю? – спросил начальник. – Назовите себя.

– Зачем?

– С ума сошел, военный? У тебя спрашивают...

– Вы не представились, извините. А в камуфляже сейчас даже ассенизаторы ходят. Я вас не знаю.

Начальник отпустил кнопку переговорного устройства, звук пропал, но было видно, как он яростно жестикулирует и резко взмахивает кулаком, словно бьет по крышке стола. Потом полез во внутренний карман куртки, достал конверт, извлек из него лист бумаги, посмотрел на него и сунул, смяв, в карман.

– Это говорит Утес. Слышишь? Говорит Утес! Назовите ваш позывной. Я приказываю назвать ваш позывной!

– Минуту, – сказал полковник и отключил связь.

В бумагах генерала не было никаких позывных. Значит, псевдоним прибывшего начальника генералу сообщили по телефону. И наверняка они были знакомы лично. Долго представление тянуть не получалось. «Не срослось, – пробормотал полковник. – Не мой жанр».

– С вами говорит комендант Узла-три полковник Иванченко, – решил наконец полковник.

– Кто?! – искренне изумился Утес.

– Полковник Сергей Иванович Иванченко, – повторил полковник. – Комендант...

– Какой на хрен комендант?! – заорал Утес. – Ты должен был несколько часов назад убраться с объекта вместе со своими людьми.

– Должен был. Но не стал.

Утес растерянно оглянулся на своего сопровождающего. Это было похоже на бред. Такого не могло быть на самом деле. Вопрос стоял о жизни и смерти, он должен был уже спускаться в этом самый бункер Узла-три, обживаться на новом месте – говорили, что генерал оборудовал очень недурственное местечко. Для себя, правда, но это было делом поправимым. И тут какой-то полковник.

– Ты что-нибудь понимаешь, Никита Ильич? – спросил Утес у помощника. – Что это такое?

– Минуточку. – Никита Ильич выхватил из-под куртки папочку, быстро перелистал страницы. – Вот, есть. Полковник Иванченко Сергей Иванович, зам Федорова. В список не включен.

– Не хватало еще и таких в список включать, – пробормотал Утес, убрав, однако, палец с кнопки переговорного устройства. – Какого хрена он здесь делает?

– Я не знаю. Но что-то мне подсказывает...

– Подсказывает ему... – буркнул Утес. – Я и сам знаю, что именно тебе подсказывает...

Было обидно, честное слово. Он сам выбрал этот проклятый Узел-три из списка убежищ. Лучше, конечно, было бы разместиться где-то в пределах МКАД, но там все места были расписаны между серьезными людьми, родными и близкими серьезных людей. В Кремлевский бункер и в Раменки Утес даже и не рассчитывал попасть – не вышел чином. К тому же он всегда мечтал стать независимым руководителем. Понимал, что удельные княжества нынче не в моде, что мечта его относится к разряду несбыточных, но все равно очень хотел стать эдаким князьком. Чтобы никого над головой. Потому и выбрал этот медвежий угол, что никто из очень серьезных людей сюда не собирался. Полгода поцарствовать – это тоже неплохо. Очень неплохо. Тем более что он, став руководителем Узла-три, получил возможность влиять на составление списка спасенных. И это здорово подняло его в глазах окружающих.

Он не просто так собрался отсиживать. Он успел подсуетиться и собрать в грузовик кое-какие ценности – от икон до старинного серебра. Даже пара-тройка яиц Фаберже была в его коллекции. Владельцы некоторых раритетов попали в список, владельцы некоторых – просто были вынуждены уступить напору неизвестных вооруженных людей в масках. Пусть жалуются в полицию. В шесть часов вечера после войны.

Этот мир может сколько угодно корчиться в агонии, но после того, как все закончится и человечки снова выйдут на свежий воздух, все должно вернуться на свои места: люди, настоя-

щие люди, – на свои, быдло – на свои. А умные настоящие люди должны подняться куда выше, чем были до эпидемии. Это – логично. Это – правильно. Это – честно и справедливо.

Но теперь вдруг какой-то полковник смеет разговаривать с Утесом в таком тоне, намекать нагло, что имеет право на что-то, кроме как выполнять приказы. Наказывать. Таких нужно наказывать.

Никита Ильич, всегда тонко чувствовавший настроение начальника, за что, собственно, был включен в список вместе со своей семьей и даже с любовницей, наклонился к шефу и предложил позвонить командиру бригады прикрытия.

– У меня телефончик есть, если что. Я заранее взял, – доверительным тоном сообщил Никита Ильич. – Звякну, сошлюсь на... ну вы понимаете, так этого полковника через полчаса вынесут из бункера вперед ногами. Это точно!

– Точно... – передразнил помощника Утес. – Точно, видите ли! А ты подумал, дурья башка, что будет с бункером, если начнется заваруха? Номер телефона командира бригады нам дали, если возникнет проблема по дороге сюда. Если народ не смогу удержать в узде перед эпидемией. Там шоссе танками почистить, толпу разогнать. А тут что? И к тому же комбрига-то ведь тоже в списке нет. Понимаешь? Если мы его сюда вызовем, то он вопросы начнет задавать, а потом... Потом и сам захочет в бункере спрятаться. Ты бы как поступил, Ильич?

– Не знаю, – честно сказал Никита Ильич. Насколько мог – честно. Он и на самом деле не знал, как поступил бы в подобной ситуации. С одной стороны – приказ. С другой – жизнь. И что тут думать? Жизнь – она такая штука, что выбирать не приходится.

– Значит так, – подумав, сказал Утес. – Сейчас давай к грузовикам, пусть солдатики выгружаются и оцепят район. Колонну пусть оцепят, за лесом наблюдают. Понял?

– Понял. Как не понять... – Никита Ильич немного постоял на месте, потом пошел к грузовикам, стоявшим за деревьями на лесной дороге.

Сука. Оцепление, значит? Решил свидетеля отослать, чтобы договариваться не мешал. Что он полковнику пообещает? Амнистию и картинку из своего грузовика?

– Слышь, полковник, – сказал Утес, когда помощник скрылся за деревьями. – Слышишь меня?

– Слышу, – ответил полковник, на втором мониторе наблюдая, как помощник Утеса подошел к колонне и из грузовиков стали выпрыгивать солдаты. – Решили армейцев привлечь? У вас их сколько? Смотрю – около двух рот? Так? Спецназ или обычные войска?

– Две роты из Таманской и взвод десантников, – не стал скрывать Утес. В начале сложных переговоров полезно продемонстрировать честность и желание сотрудничать. – Но их я могу отправить, если что. Если хочешь – их места себе заberi. И кто там с тобой. Что бы ты там уже ни натворил – спишем. Я серьезно. Будто и не было ничего. Ты пропускаешь меня и людей в бункер...

– Нет. Извините. Свободных мест нет, – сказал полковник.

Его дочка сейчас у подруги в Москве. Может, еще лежит в постели. Или пьет кофе на кухне. Или уже едет в метро к автовокзалу. Ради спасения ее жизни полковник не пошевелил даже пальцем. Потому что на него смотрели. Потому что он должен был... Он обязан был показать своим людям... Он отдал приказ и сам не имел права его нарушить. А этот Утес... Он предлагает торговлю? Амнистию предлагает?

– Свободных мест нет, – повторил полковник.

– Ты не понял. – Утес оглянулся на дорогу, между деревьями мелькали фигуры солдат, взревел двигатель БТР, с оглушительным треском сломалось дерево. – Это все – на несколько месяцев. Ты же сам знаешь. Можешь и дальше спорить, но ведь после всего...

– Это ты не понял, Утес, – оборвал его полковник. – Ресурса бункера хватит на полгода. А потом – все равно придется умирать. Это тебе понятно? Хоть так, хоть так. Думаешь, успеем

создать вакцину? А кто-то успел? В Америке кто-то выжил? Есть связь с президентским бункером? Не в курсе? Ну так и не начинай.

– Послушай...

– Нет, это ты слушай. Мы строили этот бункер. Мои люди его строили, оборудовали, отделявали. А их... Ты же видел приказ? В нем есть ты; твоя семья, я уверен, в нем тоже есть. Министры-капиталисты... А моих людей в нем нет. И семей наших в нем нет. Это честно? Ты предлагаешь мне от щедрот своих три сотни мест в моем же бункере? А не пошел бы ты на фиг, Утес? Люди записывались к тебе на прием, наверное, сидели в приемной, ожидали, пока ты не снизойдешь... Все было для тебя! Поцеловал задницу кому-то в Кремле и заслужил право жить дальше. Только приема нет сегодня. Приходите завтра!

Полковник говорил, не отрывая взгляда от экрана монитора. Видел, как неуверенная ухмылка Утеса превращается в оскал.

«Давай-давай», – мысленно подбодрил Утеса полковник. – Взорвись. Ударь ногой в ворота, выплесни злость...»

Но Утес умел держать себя в руках, иначе не достиг бы своего нынешнего положения, не попал бы в спасительный список.

– Ты с ума сошел, полковник, – прошипел Утес в переговорное устройство. – Ты знаешь, что в колонне – женщины и дети? Почти тысяча женщин и детей. Их жизни будут на твоей совести...

– Не пробьешь, даже не старайся. У меня тут тоже женщины и дети. Наши женщины и дети. Они не ходили на фуршеты и не учились в частных лицеях... Но они будут жить. И я не стану менять их жизни на жизни миллионов других женщин и детей...

– Врешь! Ты же не зверь. Ты же офицер. Ты вон присягу нарушил, чтобы свою семью спасти. Не нужно мне врать про всех остальных... Ты спасал себя и свою семью, а остальных... остальных ты, получается подкупил, иначе у тебя ничего бы не получилось с Узлом-три. Ты купил своих солдатиков и офицеров, полковник! И чем ты лучше меня?

Офицеры в центральном посту смотрели, не отрываясь, на полковника, Иванченко чувствовал их взгляды, и ему казалось, что по его лицу скользят сейчас точки лазерных прицелов.

– Знаешь, чем я лучше? – спросил полковник. – Я лучше, потому что внутри бункера. А ты – снаружи. Сколько у тебя еще времени? Час? Полчаса? Тебе из Москвы сообщают состояние дел? Нет? Или уже началось, а ты не знаешь?

Утес оглянулся затравленно на дорогу, еще ближе наклонился к переговорному устройству, на экране было похоже, что он целует металлическую коробку, выкрашенную в зеленый цвет.

– Полковник... давай так. Десять мест. Выдели мне десять мест. – Утес снова оглянулся на дорогу. – Всего десять мест. И я...

– Нет.

– Хорошо. – Утес вытащил из кармана платок и вытер лицо, шею и затылок. – Только одно место. Для меня. На полу, черт с тобой, в подвале, на складе... Я уборщиком буду. Я... Меня одного впусти... Я тебя прошу! Я не хочу умирать... Я...

– Я не буду открывать бункер. Вы уже могли подцепить инфекцию. Даже если бы я захотел... Я не буду рисковать моими людьми.

– Сука! – выкрикнул Утес. – Сволочь! Подонки! Козлы! Не пустишь? Я разнесу эти ворота. И твой говенный бункер – тоже разнесу. Ты не пустишь меня – сам подохнешь в поврежденном бункере. Сам подохнешь...

Утес отпустил кнопку, повернулся и решительным шагом направился к колонне. Нет – значит нет. Полковник решил, что может все? Он ошибается, и не такие люди жалели о том, что поссорились со мной, пробормотал Утес. Значит, оба бронетранспортера к воротам,

расстрелять и снести. Потом – вовнутрь. Вход в бункер в одном из подземных ангаров. Утес имеет карту Узла-три. Разберемся.

Если что – вызовет бригаду прикрытия. Она недалеко, через полчаса, максимум час, будет здесь.

Не нужно было со мной ссориться. До смерти – так до смерти. Много не нужно – одну-единственную трещинку. Крохотное отверстие...

– Ну что? – бросился к шефу Никита Ильич. – Договорились?

Утес молча показал кукиш.

– Хреново... Люди в автобусах начинают нервничать...

– Что-то из Москвы сообщили?

– Нет пока. В столице вроде все нормально. Местами – дождь.

На лицо Утеса упало несколько капель.

– Тут тоже – дождь, – с досадливой ухмылкой протянул он. – Не хватало еще... А если кто-то будет лезть из автобусов – пусть солдаты не жалеют ни прикладов, ни пуль, если придется. Всем сидеть на местах. Еще ничего не закончилось.

Не привык Утес просто так проигрывать. Варианты-варианты-варианты... Сейчас он ничего не может предложить полковнику, даже двумя бронетранспортерами с крупнокалиберными пулеметами напугать не получится, нужно смотреть правде в лицо. Значит что? Значит нужно создать ситуацию. Переговорить с комбригом, объяснить. Сказать, что его тоже должны были пустить в бункер, только полковник этот, Иванченко, все решил переиграть. За семьей послать не успеем, но лучше, чтобы сам спасся, если уж по-другому нельзя. Пусть возьмет роту танков, больше не нужно. Огнеметчиков. Саперов со взрывчаткой.

И когда полковник все это увидит, то поймет, что это не блеф. Что мы можем повредить его убежище... И тогда... Тогда появляется шанс, что он впустит вовнутрь... не всех, черт с ними, с этими дармоедами, их шлюхами и детенышами. Пусть он меня впустит, с семьей или без семьи – пусть впустит. И комбрига с людьми, если по-другому нельзя.

Если вопрос поставить таким образом – все может получиться. Мне терять нечего.

– Нечего! – повторил вслух Утес и протянул руку к Никите Ильичу. – Связь с командиром бригады давай. Пока у нас есть время...

Но времени у них не было. В этом смысле Утесу и его колонне не повезло. В Москве эпидемии еще, кажется, не было, а тут...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.